

С.А.Зелинский

О ДЕВАХ

2015

Оглавление

Пролог	4
Глава 1. Игра	5
Глава 2. Недоразумение	27
Глава 3. Жизнь.....	37
Глава 4. Реальность.....	45
Глава 5. Позиция	52
Глава 6. Фантазия.....	59
Глава 7. Прорыв	65
Глава 8. Отдых	70
Глава 9. Возможности	83
Глава 10. Утопия	93
Эпилог	98

С. А. Зелинский

О девах. Роман

© Зелинский С. А., 2015

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

роман
О девах
Пролог

Я был женат много раз. Новая жизнь всякий раз меняет ваше мировоззрение. Ибо находясь наедине с человеком, мы невольно заряжаемся его мыслями, идеями, фантазиями, желаниями, да и вообще – жизнь свою начинаем строить уже не сами по себе, а оглядываясь на того человека, который рядом с нами.

Так все было и у меня. Поэтому я могу сказать, что всякий раз, когда я начинал жить с кем-то в браке, я проживал новую, отдельную от другой жизнь. Получается, я прожил много жизней. И в каждой новой жизни сама по себе жизнь как таковая, зачастую открывалась передо мной с другой стороны. Потому что даже события, происходившие в том или ином временном промежутке, заметно отличались друг от друга. Потому что я никогда не повторялся. Считая, что если новая жизнь – так надо начинать все сначала.

Понятно, что я никогда не подстраивался к кому-то настолько, чтобы разом изменить себя. Конечно же, нет. Но вот то, что жизнь, тем не менее, начиналась другая, в том числе и с появлением у меня совсем новых мыслей (и главное – других! других мыслей) – факт непреложный. Даже столь непреложный, что не требует никаких доказательств, и его следует принять как истину.

А еще я надеюсь, что мои записи помогут кому-то что-то объяснить. Особенно тем, кто не прошел и никогда, в силу собственных мировоззрений, не пройдет схожего пути. Впрочем, пути у нас у всех действительно всегда отличны друг от друга. Потому что все мы в итоге ищем Истину.

Насколько истина открылась мне, и самое главное, насколько это я смог передать ее вам – судить не мне. Если дочитаете до конца – надеюсь, поймете.

Из своей жизни я отобрал десять случаев жизни с кем-то.

Почему десять? Десять хорошее число. Моисей на горе Синай под диктовку Господа Бога записал десять заповедей. В школе, в то время когда я учился, было десять классов. Офицер, чтобы стать генералом армии, должен пройти десять чинов. У моего отца было десять братьев. В общем, пусть будет десять.

Да, чуть не забыл. Это все-таки художественное произведение (пусть и на основе реальных событий), поэтому я как автор позволил себе изменить какие-то имена и наиболее явные детали,

чтобы не мешать строить любовь другим людям. Ведь каждый должен пройти свой путь. И не в ущерб другому.

Удачи!

Глава 1. Игра

Это был период совсем молодости. Устав от родительской опеки, я уехал в деревню. С собой взял девушку. Девушка была еще младше меня, но учитывая ее полуинтернатовское прошлое и натянутые отношения с родителями – ее отъезд не вызвал разногласий в семье. В ее семье. В моей я поступал так, как считал нужным. Так уж выходило.

Деревня меня, сугубо городского жителя, потрясла своим величием. В глаза явно бросалось несколько моментов, которых не было в городе. Во-первых, конечно, это природа. Практически первозданная: дом на краю села, за домом речка, поле и лес. В ближайших домах – одинокие старушки, доживающие старость. Тишина и покой. До центра станицы (а это была настоящая станица, ибо отличие станицы от деревни - своими масштабами), так вот, до центра станицы (там же магазин – сельпо, одноэтажное здание администрации, клуб и автобусная остановка чтобы ехать в город), до центра станицы от дома примерно пять километров пешком (транспорта в деревне не было). До районного центра – 16 километров на автобусе. Автобусы ходят утром, днем и вечером. Кто не успел – тот опоздал.

Почти как приехал, я написал такое стихотворение.

Старый дом.

Давно увяли листья на веранде,

Забиты ставни, не видно ни души.

А ночью тихо, грустно, и печально.

И словно слышатся шаги в тиши.

И дребезжал прекрасный свет луны,

Освещая, скромно, образа.

А на дворе собаки-брехуны

Заливались, поднявши вверх глаза...

Девушку, которая приехала со мной, звали Анастасия. Я называл ее Настя – если она мне нравилась, и полным именем – если она в чем-то меня разочаровывала.

Насте было всего 17 лет. Маленького роста, с большими грудями и длинными черными кудрями, Настя меня как-то по-особенному возбуждала в том моем периоде (лет мне было ненамного больше). Первое время мы занимались только сексом. Бывало, только проснувшись, я погружал ее кудрявую головку себе между ног, потом переворачивал и брал девушку в разных позах, и когда все заканчивалось - на дворе уже темнело. А значит, надо было спать, ибо в деревне ложились рано.

Через время мы вспомнили, что нужно еще кушать и отправлять естественные надобности. Еще через время поняли, что нужно еще следить за огородом (признаться, никто из нас не имел подобных навыков), топить печь, ну и вообще начинать жить. Ибо одно дело - вы живете в городе и за вами ухаживают родители, и совсем другое – обязанности взрослой жизни, которая предполагает помимо любовных утех еще и элементарное обеспечение жизнедеятельности.

Хорошо хоть не надо было зарабатывать деньги. Перед отъездом родители снабдили меня приличной суммой, которой даже по самым скромным подсчетам должно было хватить на полгода. А если жить скромно (в деревне иначе и не предполагалось) – на год.

Жизнь в деревне напоминала все-таки этакое нахождение на отдаленной даче. Когда мы с Настей пришли в сельпо (деревенский магазин), сразу бросились в глаза низкие цены. Был в то время еще Советский Союз, цены должны быть одинаковые по всей стране, но уже видимо сказывалось, что скоро страна разрушится, поэтому цены отличались от городских, причем были почему-то резко занижены. Впрочем, вопроса «почему» на самом деле не было, ибо все было ведь и так понятно: жители деревень никогда не имели тех финансов, какие были у городских жителей (потому-то и бежали в город «за длинным рублем»). Хотя, опять же, пройдя по центру станицы, я увидел тогда совсем новые добротные дома, так называемые коттеджи. Но их было немного, они были в центре села, в общем, поспешили мы поскорее с Настей на свою окраину. Кстати, через время Настя уже начнет сначала потихоньку, а после, уже входя в раж – закатывать мне скандалы по поводу «бытия». Но, во-первых, это будет чуть позже, а во-вторых, причина моих всех многочисленных браков как раз и была в неадекватности женщин. Ну не могут они быть как солдаты: выдержаны, воспитаны, и при трудностях не сникать – а закаляться ими. Всегда в той или иной мере сопли и слякоть из глаз, поэтому...

Впрочем, тогда я еще не думал, что так будет. Мне почему-то хотелось верить, что мой первый брак будет единственным. Что моя женщина будет самая лучшая. Что у других да, это я сам замечал вокруг, у других эти несносные бабенки закатывают скандалы, а вот моя будет самая лучшая. Позже разуверился и чуть ли не разочаровался. Пока не понял, что нужно просто менять

их, увольняя этих несостоявшихся женщин-солдат и набирая новое «ополчение». Но это было после. Тогда я еще пребывал в некой фантазий мечтательности, ведь мы только приехали, жили самостоятельной жизнью, да и вообще, все у нас пока было хорошо.

Это уже после я написал такое стихотворение.

* * *

Смело мои года как горькие цветы
Засохли так напрасно и опять,
Я вновь пишу печальные стихи;
Обидно, но Вам их не понять.

И сердце не болит давно в груди
Все отболело, ведь любовь прошла.
Хоть и душа порой рыдает от тоски
Молюсь, что б ты любовь свою нашла.

Прости, опять на ты... не ты -- а Вы...
Вы... не любили никогда меня.
А я любил. Дурак! Ведь от беды
Меня моя любовь не сберегла.

И все же Вам хочу я пожелать
Что б жизнь не преподала злой урок.
И – иногда хоть вспоминать
Как Вас любил наивный мальчик... дурачок...

Сейчас вот задался было мыслью, почему тогда ни к нам, ни мы ни к кому не ходили в гости? Ведь деревня, куда я приехал, это была родина отца, в доме, где жили мы, родился он и его братья, жили его родители, я там проводил лето, тогда, когда был маленький, были ведь и друзья с соседних домов. Почему же сейчас все иначе? Да, умерли бабушка и дедушка, погибли все братья отца (десять братьев! отец был одиннадцатым ребенком в семье), да, не было в живых родственников, но ведь друзья детства куда делись?!

Знаете, не было никого желания видимо у меня общаться с ними. Понятно, что если бы они приходили, может и было бы все по-другому. Но как-то жизнь повернулась иначе. Я, помнится, тогда написал даже стихотворение.

Воспоминание детства.

Когда ночная мгла – спускается незримо;
Когда уставший день – готовится ко сну;
Воспоминаний грусть придет неумолимо;
Нагнав тоску на душу, да на сердце – слезу.

Деревню, вспомню, дом; из яблок сад, и деда,
Что брал меня – мальчишку, за вербой для кролей.
На пасеке у пчел как набирали меда;
Потом с соседским Колькой – ловили окуней.

Или, порой, бывало, у бабушки спросившись –
По ягоды, с друзьями, ходили поутру.
Наполнив все лукошки – играли в догонялки;
А, уморившись, весело валялись на лугу.

И детский друг – Сережка, проспав, нас дождался,
Мы дружно с ним делились, мол, руки подставляй.
А к дому подходили – дым из трубы струился.
И бабушка: «Внучок, ты на блины всех приглашай!..».

Сейчас уж нет Сережки – погиб в Чечне от пули.
И холмики на кладбище – там бабушка и дед.
А Колька – друг, без ног – отморозил с пьяной дури.
Лишь я живой – а сколько, минуло с детских лет?!.

Действительно, прошло к тому времени всего лет семь после детства, а вот уж и никого не осталось. Так же как сейчас, когда пишу эти строчки, уже нет родителей. После их смерти я тогда написал.

* * *

Они ушли. Безропотно и скорбно.
Рыдаю вслед – не изменить судьбу.
Кто на кресте, кто за Христом... И больно
остаться жить... Зачем?.. Ответа не найду.

Они ушли. А с ними и эпоха.
Не нужно больше ничего. Один
На парапете вечности стою я
Быть может сон? И мы тогда все спим?..

Они ушли. Осталась пустота.
А вместо сердца – огненная рана.
Оковы времени задвинули врата.
Быть может за грехи мои расплата?

И я уйду. Уйду я вслед за ними,
Туда, где нет ничего. И где наверное есть все.
Изменится ли что?.. ведь все равно, навеки,
Останется тревога, боль, разочарованье... нет, больше ничего...

Да, такое вот время удивительное. Плохо, что не понимаем мы, что все изменчиво. Живем какими-то мимолетными увлечениями, предрассудками, обидами. Да, из этого всего слагается жизнь, но глупо переживать, когда с нами случаются наши мелкие несчастья, ибо все в итоге рано или поздно закончится. У отца было десять братьев – все погибли. Все! А ведь могло быть иначе. У нас могла бы быть огромная семья родственников. И, наверное, тогда вообще все было бы по иному, чем сейчас. Ну да значит, должен был пройти этот период времени и именно в таком вот ракурсе предстать передо мной сейчас. Может это было нужно, чтобы меня в чем-то сформировать? Может. Может и так, а может и нет; и тогда уже наоборот, несем мы сейчас расплату, а если живем, то это только лишь пока. Жизнь. Такая жизнь...

* * *

1

Я не верил, что тебя больше нет,

Я боялся себе в том признаться.
Я сложил из ромашек букет,
И заставил себя улыбаться.

2

Видел я -- как смутится она.
А потом потихоньку заплачет.
Ну а я – скажу не тая
Что люблю. И тут же заскачет

В пляске нерв в изможденной душе,
Разрывая сознание в клочья.
Слишком поздно признался тебе,
И вонзаются в сердце сучья

Недосказанных слов и обид.
И рыдает память; и раной
Кровоточит мой мозг; и спит
Вечным сном моя милая мама.

На могиле родителей я написал:

Неумолимо бьет нас всех судьба,
Выдергивая лучших в одночасье.
Устало изможденная слеза
Сползла морщинкой, и похоронила счастье...

Да, такая жизнь. Я ведь и не смог жить долго в деревне. Призраки прошлого преследовали меня. Представьте, вы помните дом, где всегда было множество народа, все были веселы и беззаботны, и вот перед вами уже ничего нет... Пустые стены. Все умерли. И вокруг все умерли. Дома заколочены. Какая-то жизнь еще осталась в центре села, но это пять километров, а в ближайших километрах два все словно повымерло.

К слову сказать, уезжал я в деревню тоже не просто так. Со своей новой девушкой, ставшей волей случая мне женой, я хотел забыть прошлые неудачные любви.

* * *

Куда несет меня злой рок,
и сам, поверьте, не пойму.
Удача рядом, прыг да скок,
но «птицу счастья» -- не найду.

Мелькают позади года
Я прохожу свои «этапы».
Стремится ввысь моя душа,
А сердце требует расплаты...

Давно заброшены идеи.
И позабыты все мечты.
Не думаю я «о постели»,
хоть и обидно, что не «ты».

Загадки, сказки, разговоры,
Остались в прошлом. Как всегда,
Несутся мыслей, вдаль, вагоны
А впереди, лишь пустота...

Причем так получалось, что я ведь всегда (и тогда, и по сей день) был открыт в отношениях с женщинами. Это они были просто не готовы к этому.

* * *

Тебя я полюбил, но странною любовью,
сомнением полна моя душа.
А сердце, сердце плачет кровью,
Но ты,-- чудна и хороша.

И вот, еще не разобравшись
в чувствах, как никому и никогда
Впервые я тебе в любви признавшись,

В ответ услышал просто: я – твоя.

Нелепостью спокойствия сраженный,
представил я, что ждет лишь пустота
в душе моей, любовью опаленной,
И понял вдруг, любовь – мечта...

Видимо сам конечно тогда был виноват, всякий раз придумывая себе какой-то образ, и не понимая (искренне - не понимая) почему этому образу никто не может соответствовать.

* * *

Распустились, обвисли, обняли
Листьев цвет деревьев наготу.
И сижу я с вином в бокале
Пропустив в свое сердце тоску.

Я не верю разлуке, не верю!
(...Хоть и надо верить порой)
Сам ушел, хлопнул дверью,
И навек потерял покой.

Мне сомненья слезу нагоняли.
Боль измены – обидою жгла.
А деревья листья роняли...
Одинокая осень пришла...

Ну да ладно. Что было - то было. Хотя и было конечно со мной.

А вот самое любопытное, что тогда у меня с Настей ничего на самом деле не получилось. Да, мы прожили что-то около полугода. А потом расстались. И встретились – через семь лет.

Любопытное число семь лет. Настю за это время судьба очень потрепала. Она была замужем. Мужа убили менты. У Насти и раньше была ненависть к сотрудникам милиции (они когда-то посадили ее первую любовь, парень украл мотоцикл и ехал к ней на свидание), и вот сейчас убили ее мужа.

Я помню, что тогда не мог понять кто передо мной – мама или дочка – ибо были две женщины одного возраста. При этом я знал, что одна из них дочь, другая мать. Но они казались и правда одного возраста. После смерти мужа прошло уже полгода к моменту, когда я увидел Настю, оказалось, что все эти полгода после смерти они пила. Причем запойно, с утра до вечера. Хотела умереть. Я умереть ей не дал. Прежние чувства вспыхнули вновь, и Настя занялась моим пенисом, на нем демонстрируя, как она скучала все эти годы.

Первое время мне даже приходилось прятать член глубоко в штаны, потому что желание у Насти просыпалось порой в самых неподходящих местах. Да и ей вдруг оказалось уже ничего не надо, ибо занятия сексом вытеснило все остальное, а самое удивительное – алкоголь. Она вдруг разом прекратила пить, словно до этого ждала момента чтобы это сделать, и вот этот момент наступил. Пришел. Появился. В образе меня, получается.

За эти семь лет Настя сильно изменилась. И то, что я не узнал ее сразу – словно бы говорило о том, что она не хотела, чтобы ее кто-то узнавал. А вот на тебе, вдруг оттаяла женская душа, и Настя вдруг стала меняться к лучшему. Она похорошела, я ее сытно кормил, так что довольно быстро она прибавила килограммов десять, наверное. Причем удивительно, что все ее килограммы оказались исключительно в грудях. Груды налились настолько, что иной раз я даже не верил своим глазам, уточняя у Насти, не сделала ли она случайно какую операцию по имплантации, на что Настя смеялась и уверяла, что груди ее натуральные. Просто очень большие. Одни соски весили, наверное, по полкило, не меньше.

Настя оказалась очень страстная. Видимо муж-уголовник ее многому научил, потому что раньше Настя такой не была. Ну да семь лет все-таки прошло, чего вы хотите.

Мы сразу стали жить вдвоем. Несмотря на протесты Насти, секс я все-таки свел до семи - десяти раз в день каждый день. Настя хотела больше. Она оказалась настоящей нимфоманкой. Я подумал, что это временная реакция, своего рода сублимация в секс - как реакция на отсутствие алкоголя. Наверное, я был прав, потому что через время Настя и правда успокоилась, и нам вполне хватало десятков оргазмов в день.

Но это было только начало. Начало всегда бывает каким-то по-особенному сладким. После наступает рутина жизни.

Ни тогда, ни после я не превращал жизнь в эту самую рутину. Когда намечалось что-то подобное – я уходил. Мне так было легче. Спокойнее. И я считал, что так будет правильнее. Жизнь все равно не склеишь, а настойчивые попытки связать воедино напрочь развязанные лоскутки

неминуемо приводили к трагедии. И семьи все равно распались. Вот только распались они, зачастую, когда уже лучшие годы отданы непонятно чему и кому, разумеется. А это уже и действительно трагедия.

Настя в 25 лет заметно отличалась от Насти в 17. Она словно бы скурвилась и прожила вместо семи лет – семь жизней. Но, тем не менее, я с ней продолжал жить все эти четыре года новой жизни. Потом расстались. Причем бросил Настю я. Я просто понял, что если это не сделаю, всю оставшуюся жизнь буду страдать. Думал я, правда, что своим поступком и ее освобожу от страданий, но как после я узнал (а информации о Насте пришла лет через десять после нашего второго расставания), узнал я, что она так и не смогла пережить развод со мной; опустилась. Сначала еще пыталась с кем-то жить (с какими-то мужиками намного старше ее), да все это видимо было не то, душа у нее оказалась основательно надломлена, и в итоге она попросту исчезла. Раз и навсегда. Умерла? Умерла. Хотя и уверен, что когда-нибудь она еще появится. Может в виде живого трупа?

Но это все случилось все-таки позже. А тогда мы еще только встретились второй раз, начали жить вместе, переехала она ко мне с дочкой (от брака с погибшим мужем-уголовником, хотя ребенок был не от него). Кстати о дочке. Ей было тогда пять лет. После расставания с мамой дочка Насти оставалась такой же маленькой. Но уже тогда она сказала одну фразу, которая врезалась мне в подсознание, потому что повторяла она ее очень долго. Суть фразы – когда ей исполнится 18 лет, она станет моей женой. Если к тому времени будет женой еще мама – значит, отобьет у мамы.

К слову сказать, через 20 лет она действительно меня нашла. И стала моей женой. Загадка.

* * *

Навевает тоска одиночество,
Уж не думаю я ни о чем.
Смерть близка и ее высочество
Будет музыкой в доме моем.

Да не надо ребята мне музыки,
Я без стога уйду в мир иной.
Лишь ковыль зацветет и до одури
Будет ветер горланить над мной...

Это стихотворение я написал в период второй жизни с Настей. Понятно уже, что жизнь эту нельзя было назвать идеальной. Да, во многом, очень во многом она мне подходила. Прежде всего, она была настоящей женщиной. Настоящая женщина считает, что ее жизнь – подчинение мужчине. Помните? «Жена - да убоится мужа своего». Настя полностью отвечала моим идеалам. Да, иной раз у нее случались некоторые помутнения рассудка. Но я всегда легко справлялся с ними. Сначала бил, потом насиловал. И когда среди ночи во мне просыпалось желание, я наклонял спящую рядом Настю и вкладывал ей в рот свой член. Если она, прикрываясь сном, не понимала что нужно делать, я давал ей несколько отрезвляющих ее сознание пощечин, а после этого насиловал ее с особой жестокостью. Причем всегда (вы слышите, всегда!) в такие разы она испытывала наиболее бурный оргазм. При оргазме тело Насти сотрясалось в жутких конвульсиях, она кричала и почти теряла сознание. После лежала какое-то время совершенно бесчувственная, словно улетевшая в космос. Я даже иногда боялся, что она не вернется. Возвращалась.

* * *

Таинственно, мрачно, уныло и... серо.
Вокруг – никого, а в душе – пустота.
Внезапно грусти накатила волна,
И кажется прожита жизнь... Да так неумело...

Это я написал когда с Настей расстался.

А это, когда принял решение что нужно расстаться.

* * *

Чудным трепетом утки встревоженной
Вмиг вспорхнули косые лучи.
Лучик солнца судьбы обмороженной
В мире бурь промигал мне: не жди.

Не пытайся, не надо – все в прошлое
Уж давно пылью тени ушло.
...Прощался с ней осторожно я
Поняв вдруг -- не мое... не мое...

Я до сих пор думаю иногда, в чем вина, что мы расстались с Настей в первый раз. Не я ли ее на самом деле подвел к этому. Этак, знаете, ненавязчиво и лукаво. Хотя может быть в те годы я был не способен на это? Не знаю. Сейчас – не знаю. Раньше знал. Но не думал об этом.

Вернулся к записям через время. Вспомнил. Причина расставания – сама Настя. Эта взбалмошная девица меня поистине сводила сума своими чудачествами. Я – сын родителей из номенклатурной советской семьи (папа и мама – большие начальники). Она – дочь актеров. Выросши на подмостках сцены, Настя, к сожалению, играла по жизни. В ее игру – попался я, тогда скромный мальчик, считавший, что в мире нет порока, а одна справедливость. Сейчас бы я сам себя назвал лохом. Но тогда... Тогда я был преисполнен поиска справедливости. Она ушла – я порезал себе вены. Не всамделишнее, разумеется. Сымитировал. Но этого хватило, чтобы заключить меня в психиатрическую клинику. Правда, при первом же обходе главврача – он меня «выкупил». И сказал что «таким как я – здесь не место». У меня был призывной возраст, врач подумал, что я решил «закосить» от армии.

От армии я «косить» не собирался. Я учился в вузе. Проходил обучение на военной кафедре. Должен был «выпуститься» лейтенантом. Запаса. Но тогда я этого врачу не сказал, а был только рад, что меня «вернули» домой.

Настя ко мне вернулась. Хотя, как я узнал позже, смеялась в лицо моим родителям (пьяная, она уже тогда пила) когда узнала (мать к ней пришла) что я «порезал» вены. «Такие как он не умирают сами», – сказала она тогда, имея в виду, наверное, мою излишнюю самовлюбленность, или, как поставил бы диагноз Фрейд – нарциссизм.

Но она все равно вернулась. Я же говорю, Настя играла по жизни, и сама путалась где она играет, а где живет. Видимо в какой-то момент она убедила себя, что из-за нее «вскрыл вены мальчик», а это, по мнению Насти, был достаточный повод чтобы «жить с ним вместе».

«Совместная жизнь» оказалась недолгой. Она снова сбежала (у Насти была какая-то мания убегания; много позже я жил с девушкой, у которой было схожее пристрастие), а я попал в тюрьму. По надуманному следователями обвинению. Но провел почти полгода, пока он разобрался. Вернее – его вынудили это сделать мои родители, нанявшие лучшего в городе адвоката. (Может и не самого лучшего, но то, что «самого» дорогого – факт).

Настя вернулась, когда меня «освободили». До этого пару раз приходила ко мне «на свидания». «Короткие», за стеклом и по телефону. Но я был рад. И даже счастлив. Мне было ради кого жить. Я же говорю – наивный дурачок я был в те годы.

Не вернулась Настя, когда меня арестовали второй раз. Вернее – сначала она опять сбежала (из деревни, куда мы с ней уехали после моего первого освобождения). А потом против меня снова придумали дело. Под давлением адвокатов сняли почти все статьи. Одну оставили. Провел я «там» почти полтора года. Потом все-таки оправдали. С тех пор я ненавижу ментов. А вот Настю почему-то нет. Хотя она, пока я сидел, сделала аборт. Сука.

Интересно, что ненависти к Насте не было. Поэтому, когда я случайно встретил ее через семь лет (я уже писал об этом), то мы стали жить вместе. Пока она снова не сбежала. Вернее, сбежала она три раза. После первого ее «побега» я привел в дом проститутку. Заказав путану на ночь, я каким-то образом «влюбил» ее в себя, а потому после «смены» она приехала ко мне. Уже бесплатно и одна, без сутенеров. Жила несколько дней. Пока не вернулась Настя и попросилась «в семью». Среди бляди и Насти – я выбрал Настю. Хотя она, сути, была такая же блядь.

Второй раз Настя сбежала через год (вместе мы прожили года четыре нашего второго брака с ней после юношеского сожительства). Я тогда привел дом продавщицу с соседнего киоска. До ночи пил пиво. Закончилось. Пошел в ближайший ларек, взял пива и назначил «свидание» продавщице. После смены - та пришла ко мне. Трахал я ее два дня. Пока не пришла Настя. Продавщицу я выгнал, Настю принял. Снова принял. Прожили еще года полтора. Потом она вновь пустилась в побег. Дура. На этот раз я решил, что с меня хватит. Когда Настя мне позвонила и сказала что возвращается (раньше она приходила без звонка, сейчас решила позвонить, видимо надеясь, что очередную блядь я выгоню до ее прихода), я понял что устал. Примерно за три часа до назначенного ей же самой времени прихода – я пошел в ближайшее кафе и снял там девушку. Девушку привел домой и трахал до прихода Насти. Голодная по сексу оказалась девушка, и потому как мне показалось – как-то по-особенному выносливая. Обычно у девушек, по их словам, «натирало между ног». Случалось это часа через два непрерывного траха. Некоторые, впрочем, держались дольше. Кончать я не любил, предпочитая их основательно отъебать. Когда решал что хватит – кончал им в рот. Брал за волосы, вставлял в рот член, и кончал. С девушками нельзя иначе. Иначе они забалуют.

К тому времени я уже достаточно заматерел. Помогла мне в том, как ни странно, Настя. Ей всегда было «мало», поэтому я ебал ее с утра до вечера. Ночью начинал ебать как в первый раз.

День сменялся ночью, ночь – днем. Сутки за сутками я трахал эту блядь, пока она не падала в изнеможении. Тогда отключался и я. Засыпал.

Просыпался я обычно от ощущения, что мой член кто-то сосет. Настя.

Я так и не понял, то ли во сне ей все время снился хуй, то ли она действительно была настолько неугомонна.

Как бы то ни было, я высовывал (помнится, с большим трудом, ибо – «присосалась», однако) член изо рта Насти, переворачивал ее на живот, смачивал слюной ее задний проход, и входил в ее попу. Настя, помимо орального, очень любила и анальный секс. Причем, иной раз, даже больше. Поэтому стоило мне войти между ее ягодиц, она почти тут же кончала.

Когда Настя кончала – она кричала от радости бытия. «Значит, ей нравилось», думал я, продолжая «вколачивать свай». Обычно «продолжал» я до тех пор, пока Настя не теряла сознание. Ну, или – имитировала. Я же говорю, она была актрисой по жизни.

Однако я увлекся. В тот третий раз ее возвращения, девушку, что я снял в кафе, я не выгнал. Наоборот. Я дал ей четкую установку: раздеться догола (впрочем, она и так была в таком виде с момента прихода ко мне), зайти в ванную, и как только раздеться ключ в замке (у Насти были ключи, а дверь на внутренний замок я никогда не закрывал) – выйти из ванной. Предварительно обвязав голову полотенцем.

Девушка так и сделала. А Настя... Настя предложила совместный секс. С ней, с моей новой девушкой, и с...подружкой, которую Настя привела с собой, чтобы я ту потрахал за то, что Настя отсутствовала. Как бы ей в наказание и в ее присутствии. Сучка.

И подружку-то подобрала по моему вкусу. Этакую невероятно красивую, юную и застенчивую блядь с развитыми формами порно-звезды.

Насте и ее подружке я отказал. А голую девушку из душа одел и стал с ней жить. Как мы жили – расскажу в соответствующей главе.

Кстати, когда я первый раз из-за Насти оказался за решеткой, познакомился там, как тогда говорили (а это все-таки было еще советское время), с «дурной компанией» во главе их лидера, «державшего» («смотрящего») тогда то место, где я находился.

Каким-то образом он ко мне проникся, мы встретились на воле, и уже вроде как начал он знакомить меня со своими соратниками и я уже думал что «принят» (в их «банду»), и вот-вот начнутся «серьезные дела», а он (не помню сейчас как его звали, ну предположим Аркадий), так вот, а Аркадий как-то мне сказал следующее.

Смысл сказанного заключался в том, что я могу всегда, когда мне удобно, приходить к нему («на хазу») (он жил тогда со слепой матерью в частном доме того города, из которого я после уехал), он и его друзья мне будут всегда рады, но – мне их жизнь не нужна, иначе это «болото ада» (по его словам). И меня оно (это «болото») может здорово испортить.

Я, помнится, пытался что-то возразить, но Аркадий (было ему тогда уже за тридцать, мне, помнится, только исполнилось 18), так вот, Аркадий был непреклонен.

--Не надо тебе жить нашей жизнью,--повторил он.

--Ну почему?— не унимался я.

--Ничего хорошего,--грустно сказал Аркадий.— Ни семьи, ни детей, жизнь проходит между сроком и пьянками на воле.

Я тогда на Аркадия огорчился. Но совету его внял. И уехал с Настей в деревню.

Когда Настя сбежала, я вернулся в город, но к Аркадию не пошел. Примкнул к другой компании. Несколько уголовников, все воры-рецидивисты, несмотря на юный возраст (по три-четыре, у кого пять судимостей). Ребята были лет на пять-десять старше меня, но отчего-то легко приняли меня в свою компанию. Отчего, я не знаю сам. Мы ведь были все-таки противоположностями. Они – из простых семей, много сидели, нисколько не собирались, как говорится в протоколе, «становиться на путь исправления». Для меня же это было сродни новой игре в этой жизни. Всю жизнь, доселе, просидев за книгами и выходя на улицу лишь только чтобы дойти до школы или вуза, я теперь все время проводил вне дома. Иногда домой приходил поздно ночью. Иногда не приходил вовсе.

Нет, «дел» у нас никаких не было. Бывало, я просыпался, никого из них не было, а потом они приходили уже с какой-то «добычей». Воровали. Квартирные кражи видимо, думал я, но ни о чем не спрашивал. А они ничего не рассказывали. Не доверяли? Нет, доверяли. Доверяли, потому что иной раз они говорили о таком, что «наговаривали» на ту или иную статью УК. Если бы я был «мусором» (ну, то есть, сотрудником правоохранительных органов). Но эти разговоры никогда не были похожи на какое-то хвастовство. Ребята обсуждали какие-то свои темы. Я находился рядом. Доверяли.

Но в дело не брали. Когда я как-то поинтересовался: «почему»? – один из них сказал мне просто: «Тебе этого не надо».

Помнится, я тогда удивился, но поверил. Его слова легли на уже удобренную почву (я вспомнил слова Аркадия).

Как звали ребят? Имена я помню, но у нас ведь не явка с повинной, поэтому пусть будут имена вымышленные: Слава, Гена, Костя. Были еще ребята, но те приходили эпизодически и уходили. А эти жили вместе. Снимали квартиру (хотя, может, и имели в собственности).

Немного позже, когда я все-таки попал снова за решетку (как уже рассказывал – по надуманному «мусорилами» делу), я очень жалел, что рядом со мной нет моих друзей. Они бы мне там очень помогли. Хотя может это было и к лучшему. Иначе мое «сидение» непонятно во чтобы превратилось. А так – я понял, что у меня нет вариантов: или я – или меня. Поэтому стал завоевывать авторитет и там. Получилось.

* * *

Лист осенний падает на землю,
Где-то там, на воле, но не здесь.
Здесь на нарах жизнь я не приемлю.
Но живу, по новой успевая сесть.

Тюрьма захлопнула железные засовы,
По хатам гул, и первоходов рой.
А я по новой в бур, и нарушаются законы,
И все с изломанной неволею судьбой.

Как здесь сейчас? Да так же как всегда:
Конвой, собаки, крики, пересылки;
Как здесь сейчас? Да так как никогда
И никому не посоветую братишки.

А многим непонятно: что и как?
Как поступать? Что КУМУ говорить?
А я уже готовлюсь с хаты на этап.
Потом на зону; да что там воду лить?!

Грустил судья, заплакала жена,
И запросил мне прокурор десятку.
А я молчал все понимая как никогда,
Зал загудел, и секретарь призвал к порядку.

Так вышло – что пути иного не дано.
Все по закону, но мне он ненавистен.

И видимо давно все предрешено,
И хватит горя на десяток жизней.

А на воле, солнышко на лицах;
Веет ветерок прохладой и мечтой.
Листик милый, в наших мыслях,
На свободе мы всегда с тобой.

И судьба бросает нас в этапы,--
Словно ветер, лист, гоняет по земле.
Души наши, точно также кляты,--
Как и ты, листок, в осенней поре...

Вообще же, надо сказать, я все-таки понял, что нас связывало. Мой характер был таким же, как у них. Даже может быть по какой-то готовности на смелые и отчаянные поступки да принципиальность и не сговорчивость они учились у меня. Ну, или лучше сказать, не учились – а подзаряжались моей энергией. Видимо так.

* * *

Теперь все чаще вспоминаю я бывшее,
Этапы, переключки, лай собак.
Скулит душа, воображение большое
Рисует жизнь, да все не так.

Из памяти не выбросишь срока,
И запах затхлый казематов.
И не поднимется рука
Перечеркнуть все, и распятый

Перед собою сам я предстаю,
И хочется напиться с горя водки,
И все забыть, но все чего-то жду,
Быть может новой ходки.

И по этапам я шагаю улыбаясь,
И зоны я по кругу обхожу,
И на суде уже так не теряюсь
Как в первый раз, и приговора жду.

Кассационных жалоб не пишу, устал
Суду пытаться правду донести.
И в жизни столько раз я умирал
От пули, от ножа, и от тоски.

Пусть кто-то скажет: он со всем смирился,
Я соглашусь: наверно это так.
Но в ноги куму никогда я не клонился,
И бил предателей и сук, чудак.

И жизнь все больше стала походить
На остов мыслей о хорошем;
И я стремлюсь о прошлом позабыть,
Хозяина забыть, и лагерь, впрочем

Наивные какие-то мечты,
За столько ходок - с зоной породнился,
Стал безразличен до молвы,
И никогда ни перед кем я не таился.

Открытый, честный, и простой,
Без гонора, и без бандитской спеси,
Я и сейчас по-прежнему такой,
Живу как есть, и душу не калечу.

Кстати, о Насте. Уже много лет позже, я стал жить с одной совсем юной девочкой и от нее узнал... о Насте. Настя оказалась ее мамой. Вот ведь как бывает! По возрасту все сходилась. Настя была чуть младше меня, я был старше ее дочери почти на тридцать лет (понятно, что до последнего момента, что это ее дочь - я не знал). Но не суть. Главное, что произошло с Настей.

Оказалось, ее вздорный характер давал о себе знать всю ее жизнь. И в итоге привел, сначала к панели, а потом к бомжеванию. По словам моей спутницы – ее мама опустилась, спилась, не имеет ни паспорта, ни своего жилья, и вынуждена проживать с каким-то старым беззубым мужиком который ее поит, бьет и насилует. Ну, или наоборот – бьет, насилует и поит. Или же – насилует, поит и бьет. В общем, в любой последовательности. Все равно все происходило фактически в один момент и с неизменной последовательностью.

Понятно, что это был итог жизни Анастасии. Как-то помогать ей я не стал. И отговорил свою девушку. Это было невозможно – помочь Насте. Она выбрала тот путь, к которому всегда шла. И в итоге ее сбегания привели ее в то место и к тем людям, которых она и оказалась достойна.

* * *

Я запугала в мире снегопада
Из лжи, обмана, непонятных слов.
И верила, что верить мне не надо,
Но сердца слушала безмолвный зов.

И вот я здесь, с тобой, по лагерям
Мотаюсь от свиданки до свиданки.
Я как и ты не верю мусорам,
И ожидаю от людей подлянки.

Меня ты приучил, любимый, побеждать.
Идти вперед сметая все преграды.
И научил меня ты понимать
При случае понятия да расклады.

Да, стала, мой любимый я другой,
Но ты поверь – ведь, ни о чем я не жалею.
Мне лишь бы рядом быть с тобой,
А о другом я и мечтать не смею.

Помню, когда мы еще жил с ней, вернее, когда встретил я ее второй раз после семилетнего расставания, я удивился, что она работает на рынке, продает рыбу.

--Как же так?— удивился я.—Зачем работать на кого-то, если можно на себя?

--Я бы и работала на себя,-- потупив свои красивые глаза, ответила тогда Настя.

--И?

...

--Ну, говори!

--Деньги...

--Понял,--кивнул я тогда.— У тебя нет начального капитала. Так это называется в бизнесе?

--Да,-- скромно ответила она.

Узнав, какая нужна сумма, я дал ей эти деньги. Дал даже больше, всякие там непредвиденные расходы и прочее.

Когда же я приехал через время – она работала все также. На рынке. Опять торговала рыбой и опять на кого-то.

--Почему?— удивился я.

Настя тогда мне ответила что-то, но я понял, что это ложь. Позже я узнал, что деньги она пропила с подругами и, как подозреваю, с друзьями. Ну, то есть, с мужиками, которые напились и устроили с ней оргию. Якобы изнасиловали ее пьяную, но, зная Настю, я понял, что с ее согласия. Позже, когда напилась, она мне сама в том призналась, попросив прощения. Я, помнится, тогда поступил самым неординарным способом. Когда в очередной раз вся эта мужская троица пришла к ней в гости, я напоил их, заставил связать друг друга, а после на их глазах трахал Настю в попу и в рот. Они смотрели и, сгорая от полового возбуждения, не знали что делать. После этого я заставил их драть друг у друга. И снял это все на видео. После этого, насколько я знал, мужики бросили пить и друг с другом не общались. Такой вот метод лечения алкоголизма.

Кстати, Настя мне как-то рассказывала (еще в наше первое совместное житие) о двух своих подругах, которые надругались над одним мужиком. Тот, вероятно, очень хотел «клубнички» (девочкам было по шестнадцать, узенькие щелочки их ждали большого члена, верно подумал тогда мужик). Так вот, когда они пришли к нему на свидание (он пригласил обоих), то напоили его, подсыпав что-то в водку, после того как он отключился – связали его, привязав к дереву, и туго перевязали его член. Когда он очнулся, они стали раздеваться перед ним и показывать стриптиз. Трогать его и прочее. Член его пытался возбудиться, но был плотно обмотан изолентой. В общем, мужик тот потерял сознание. Как говорила Настя – умер. Но сам я не видел, а верить ей – себя не уважать. Хотя вполне мог и умереть.

В детстве ее вообще тянуло к каким-то таким компаниям, которые нежелательны.

* * *

Я вся в наколочках откинулась на волю,
Смеялись вслед подруженьки мои,
Не примет муж жену такую,
Но ты все сам обоснуй и рассуди.

Ты чалишься на нарах мой любимый,
Когда к тебе маляву я пишу.
И тянешь срок нелепый и голимый,
Ну а за что, я так и не пойму.

Сама откинулась недавно, и за веру
За нашу воровскую пострадала.
Кричала прокурору, знай, мол, меру,
Что вгонит на катушку я не знала.

Но вот я вышла, милый, на свободу,
И счастья и без края и по краю,
А в снах своих я зону вспоминаю,
И что люблю тебя и жду, я знаю

Причем, что удивительно, сексом она не занималась до меня ни с кем. То есть, когда я ее встретил первый раз – она была «девочкой». Я сам все сделал. Уверенно и основательно показав, кто в доме хозяин. Но, как понял позже, для нее не это было главное, ибо все равно сбегала к подружкам, да непонятным мужикам. Будучи, вероятно, как она сама говорила, всецело развращенной мной. Хотя я в это не верил. По натуре она уже к появлению в моей жизни была блядь. Я видимо просто зажег фитиль...

А отговорил я ее дочь, чтобы она не искала встреч с матерью после того, как узнал от этой девочки (она тогда только-только справила совершеннолетие), что на самом деле дедушка (отец Насти), уже как-то пытался помочь ее маме (своей дочери). После чего оказался избит какими-то наркоманами-уголовниками, которые требовали с него денег якобы для дочери, а когда он позвонил дочери чтобы уточнить (от кого «идет заказ») – та сказала что да, он ей должен за то, что она бедно живет, а он богато. И, мол, если не отдаст – это ее люди, и они его убьют.

Дедушка сказал что, конечно же, даст денег, даже очень много, убедил в этом налетчиков (что стоит актеру сыграть еще одну роль), после чего сдал всех (кроме своей дочери) в ОМОН (его друг был командиром ОМОНа).

В общем, я понял, что все, что сейчас произошло с Настей - действительно результат жизни Анастасии. И ничего в этой жизни не следует менять. В ее жизни. Тем более, что как когда-то говорил мне уголовный авторитет Аркадий – проживать жизнь надо каждому свою. Я и жил ее. Уже, получается, с дочкой Насти. А сама Настя... Ну она тоже ведь жила. Только вот как и с кем... Впрочем, или мы выбираем, или нас выбирают. Она выбрала такой путь и такое окружения. Все, от чего я ее всю жизнь предостерегал – оказалось задарма растрачено, и она оказалась там, куда всегда стремилась. А я... А я жил с ее дочерью. От кого у Насти был ребенок – она не помнила. И понятно, что ее дочь никогда не видела отца. Теперь одновременно и мужем и отцом стал я. Ругал, ебал, и лелеял. Ну, уж такие мои методы воспитания молодых девушек, попадающих ко мне на совместное житие. Причем – ин нравилось.

Да, как звали эту девочку (дочку Анастасии) – я не скажу. Пусть живет счастливо. Ей и так много досталось. К тому же к этому времени как пишу сейчас – я ее уже оставил. Мне было как-то не с руки жить с ней, ибо невольно, глядя на нее, вспоминал ее мать.

Да и девочек всегда вокруг было много. Выбирай любую, не ошибешься.

Не ошибешься... Так тогда мне говорил отец.

Я выбрал Настю.

Родители мне тогда устроили что-то вроде как санкций. Отрезали от финансирования. У них были деньги. Большие. Хватило бы на содержание в роскоши десятка семей. Да я и жил так, пока жил с ними или отдельно, но делал, что они велют. То есть, конечно, не нарушая их мыслеобозрения. Ибо жил я все равно, как хотел. Но они спонсировали эти деяния. Ибо в целом я был привержен их философским взглядам на жизнь. А вот когда я начал вторую жизнь (после семи лет развода) с Настей - они включили «санкции». Лишил меня денег. И тогда я – взбрыкнул. Я уехал из теплого дома - в коммуналку Насти (тогда у нее была комната к коммуналке). Жил с ней и любил ее. И мне было все равно.

Да, мы здорово нуждались. Да, иной раз ели черный хлеб и пили ширпотреб (разлиуху в ее доме). Но мы любили друг друга. И я доказал, что могу нести все пороки общества, но не отступлюсь.

В конце концов, родители мне поверили и дали денег. Достаточных, чтобы нам с Настей жить дальше. Ведь никто из нас не работал тогда.

Потом я увез ее в другой город.

Потом она начала чудить.

Потом мы расстались.

Но это было все потом.

А тогда мы жили и любили друг друга...

Глава 2. Недоразумение

В какой-то мере этот период времени (затянувшийся, в зависимости от того как считать, от пары лет до шести-семи а то и всех десяти, ибо события перехлестывались порой самым удивительным образом) казался таким загадочным. Ну, начнем с того, что начался он, когда мне исполнилось двадцать лет. Жутко амбициозный молодой человек, отличный спортсмен, у которого сутки делились между сном, приемом пищи и тренировками, в те годы я также стремился попробовать все и сразу. Работал телохранителем и вышибалой в ресторане (в те годы это были еще именно вышибалы, а не охранники как позже, ибо основная задача была - выбрасывать из заведения не в меру буйных подвыпивших клиентов или вышибать, то есть не пускать тех, кого пускать было недозволенно), с работы возвращался по утрам слегка подвыпивший после трудовых будней и всякий раз с новой девицей а то и двумя, в общем, особо не задумывался о том с кем и как жил, притом что официально состоял в браке и жена, сидя в отдельной комнате моей квартиры, засыпала и просыпалась под крики моих подруг, которых я приводил исключительно для секса, ибо жениться никому из них не обещал, да и им это было не особенно нужно. В стране тогда открылись все границы, в том числе и нравственные, а потому молодые девушки как обезумевшие старались набрать себе побольше любовников, отдаваясь им большей частью с показной страстью, ибо разрешили тогда смотреть и порно, которое показывали по телевидению, замаскировав под эротику, и девочки очень хотели походить на заокеанских шлюх, сосущих и ебущихся часами.

Да, интернета в то время еще не было. До изобретения интернета и особенно появления его в нашей стране, оставалось долгое десятилетие, а до массового появления - так и все пятнадцать – двадцать лет. Так что, жизнь была в те годы удивительная. Вы могли подойти на улице к девушке и открыто ей предложить взять у вас рот. Соглашалась каждая третья. Каждая вторая смущенно говорила что не сосет (мол, мама моя не сосала, бабушка не сосала, и я не сосу), но была не против просто потрахаться. Нравы были свободны и раскованы. В России расцветала сексуальная революция, и я в те годы был ее самым активным участником.

Вот думаю сейчас, вспоминая то время, что вероятно сама работа моя скорей всего как-то располагая к такому чрезмерному сексуальному общению. Девушки-то приходили в заведение все больше падшие (ну кто еще будет проводить ночи в кабаке).

Ну и притом что женам работников ресторана вход, понятно, был закрыт. Поэтому мы (я и другие вышибалы, коих я втянул в этот общий процесс сексуального безумства) бывало, отрывались там по полной. Зачастую задерживаясь после работы, и продолжая пить или отдыхать с падшими женщинами – клиентками кабака. Многих мы пускали бесплатно, чтобы после можно было трахнуть или дать в рот. Пососать. Как бы между делом. Кто не хотел – выгоняли и больше не пускали. Но обычно все соглашались. Еще бы, все парни как на подбор, молодые спортсмены. Это не то, что у какого-нибудь старика обсасывать его вялый член. Здесь вполне крепкие и упругие молодые хуи; некоторые девушки принимали в себя сразу двоих, а то и троих парней. Девушкам ведь тоже была нужна практика. Кто знает как сложится жизнь. А тут такая тренировка.

Завывает, взлетая, ветер сурово;
Под коркою льда гудит океан;
Луна не сверкает, а блещет лишь ново,--
На мир неслышно сползает туман.

Но вдруг – ломаются глыбы со стоном,--
Страдая, уходит зимы пелена;
Как чаек крик, отдаваясь звоном,
Игриво шумит о скалы волна.

А после весенней сырой капли,
Приходит лето за землю нежно;
Смеются теплом согретые ели,--
И конь в полях резвится безбрежно.

А вот и тучки, поднявшись под солнце,
Заставили небо всплакнуть дождем;
На осень мы смотрим теперь из оконца,--
И вновь суровую зиму ждем...

Оля, жену мою в тот момент жизни звали Оля, была очень сексуально податливая. Видимо этим она меня и подкупила. К слову сказать, она мне вообще не говорила слова «нет». Когда, помнится, сказала первый раз – я тотчас же ее бросил. Ну, то есть, перестал с ней жить, а приходил только трахаться. Попутно, понятно, не забывая трахать и новую жену. Оля была не против. Любила наверное...

У нас рождается мечта.
А с губ сорвется это слово.
И слово с нежностью готова,
Готова повторить ты снова.

И вот внезапно шум затих,--
На лицах зреет ожиданье,--
И в долгожданный этот миг
Обрушится на нас страданье –

В покой вселенной унесет
Мечту, неосторожный ветер.
Нас за собой не позовет
И путь уже давно не светел

Но стоп,- отставить грусть
К тому ж и ветер вдруг затих
И слово так же с наших уст
Вот-вот сорвется в этот миг...

«Новая» жена, как думаю, не думала что мне ее мало. Хотя, помнится, я не раз говорил, что меня возбуждает женская грудь (именно ее наличие, а не фрагментарное обозначение), поэтому она понимала, что с ее грудью на многое она претендовать не может. Хотя и понятно, что помимо груди была еще попа и рот. И то и другое (и анальный секс и минет) она делала вполне достойно. Особенно сосала.

Вообще, надо заметить, мне как-то повезло в этом плане с женщинами. Все они не только брали в рот, но и любили это делать. И даже некоторые обижались, когда я, устав дожидаться «финала», брал действия в свои руки. От них тогда требовалось только держать рот широко открытым. Кто-то вносил разнообразие и помогал мне еще своим языком. Однако сосать в этот момент они уже были не должны. Я сам своей рукой делал все что нужно, выстреливая в их открытую пасть своей семенной жидкостью. Впрочем, кто-то этому и радовался. Как говорится, работы меньше.

* * *

Ко всем
любовью
упоенный,
Безгрешной
нежностью
томим
Покоится –
одухотворенный
Уже бескрылый
серафим.

Оля. Оля была слегка полновата. После уже, через годы после нашего расставания, я ее случайно встретил и отметил, что она превратилась в настоящую бабу. Даже бабищу. Я не люблю бабищ. Мне нравится, когда женщина следит за своим телом. Жир мне не нужен. Не возбуждает. Разве что только если какое извращение. Бывают и такие фантазии. Но помимо секса еще ведь нужно и жить. Ходить куда-то с ней, любоваться ею, наконец. Не держать же ее только в постели. А с толстыми куда пойдешь? Их и на люди вывести страшно. Будут думать, что я лох какой-то, раз нашел такую.

Впрочем, толстые женщины в большом почете у представителей горных народов. Те любят – чем жирнее, тем краше. Ну да у них своеобразные взгляды на мир. Бог им судья, антихристам.

* * *

Не ворошите листопад времен,
Того уж нет, кто был когда-то рядом.
Блуждает в памяти лишь пелена имен,

Да грусть навеяла вечерняя прохлада.

Неужто это было?.. Канула в века
Всепоглощающая страсть скупых желаний,
На бранных душах росчерком пера
Свой подытожила итог -- судьба воспоминаний.

Оля была, конечно, моим проходным этапом. Так, перебится на первое время, чтобы не дрончить. Как бы сказать, осмотреться. Да найти что-то получше. А как найду – я ее брошу. Она об этом знала. Поэтому делала все, чтобы только удержаться. Даже участвовала в оргиях, когда я приводил других женщин. Тогда они сосали вместе. Но как только стал я замечать, что Оля стремится проявить эгоизм и дольше остальных держать мой член во рту – я сначала сделал ей замечание, а после перестал ее брать в свои сексуальные игрища. Незачем это было.

* * *

На небо месяц вышел пьяный. В отблесках заката
Сияет, дурачок, и ждет подругу ночь.
А мне взгрустнулось как-то вдруг, нелепо, как когда-то
В далеком детстве я грустил... Да, да, друзья – точь в точь.

Хотя, о чем тогда грустил?.. Сейчас и не припомню...
(Быть может, крынку молока случайно обронил?..)
Сейчас же думы о другом... Хоть сразу в преисподню.
Простите, но мне, порой, так не хватает сил...

Однако, надо заметить, с Олей я все-таки достаточно долго не расставался. Родители у нее были, к сожалению, никакие, настоящие мещане, поэтому какое-либо возможное общение с ними я прекратил сразу, и может быть оттого, что Оля пошла мне навстречу (перестав общаться со своими папой и мамой) я еще какое-то время задержался с ней в этой жизни, которая тогда, для меня, только приехавшего в большой город, была сродни огромнейшему аттракциону, манила и звала в неведомые дали бытия. И я, двадцатилетний пацан, полностью погрузился в пучину того безобразия, куда меня волей-неволей втянули старшие товарищи-работодатели. Ведь не простой это был кабак, где я работал вышибалой, а кабак для некой избранной категории людей. Мужчин и совсем падших женщин. Женщины приходили в этот кабак только ради мужчин или с мужчинами,

но при этом – и это я тогда впервые увидел – даже приходя с мужчинами, большинство из них заигрывало с другими мужчинами, а некоторые даже в конце вечера и уходили с ними, с другими, тогда как их спутники, с кем они пришли, точно также находили себе других девушек. Именно девушек, старше тридцати я, по-моему, вообще никого не видел. Хотя нет, была одна, 35 лет. Но она приходила со своей дочерью 16-ти лет, и насколько я знал – сексом они занимались вместе. То есть, хотите выебать дочь – только вместе с мамой. Ну да, надо заметить, «мама» была совсем еще ничего - среднего роста, не толстая, симпатичная. Внешне и дочь и мама даже были очень похожи. И одевались в одинаковую одежду, имели одинаковую длину и цвет волос, и вообще, даже практически одинаково улыбались и вели себя. Уж не знаю, как они спали с мужчинами, но то, что мне рассказывали – мне понравилось. Говорили, что сначала мама облизывает член мужчины (а дочь смотрит, возбуждаясь), потом мама дает пососать дочери (а сама лижет ее), ну и так далее, я ведь не участвовал, точно сказать не могу. Я трахал и дочь и маму отдельно. Такая вот представилась мне возможность. Сначала я трахнул дочь. Сладкая такая 16-летняя киска, еще до конца не испорченная и с совсем не растянутой пиздой как уже у более взрослых девушек – любительниц мужских хуев. Потом стал трахать маму. На следующий день. Дочерью в то время занялись двое моих коллег: повар и официант. Они ее распилили вдвоем и... заразились. Надо же, а меня пронесло. Видимо девочка заболела уже после меня ну или и правда мне повезло. И так «мама». Мама совсем была сексуальна и разболтана ужасно. Я так понимал, она никогда не работала нигде кроме проституции, хотя и не такая уж была профессиональная проститутка, скорее перебивалась подачками, которыми ее отблагодарят выебавшие ее мужчины. Думаю что так, потому что под утро, когда заведение закрывалось, «мама» уже была всегда очень сильно пьяна, а вечером она приводила внось. Как понимал – день она отсыпалась да приводила себя в порядок. Дочь видимо нигде не училась, потому что постоянно находилась с ней рядом. Такая вот семья.

Опустошенность, боль утраты, одиночества комок.

Уже не грустно оттого что многого не смог.

Иль не успел, лишь кое-что оставил я в залог.

Хотя, причем залог? Путь жизни мой всегда полог.

Уже не жду, и не ищу, тихонько лишь страдаю,

Другим оставил все мечты, ведь точно знаю – таю.

Давно все понял, никого не проклиная,

Лишь горько иногда я над судьбой рыдаю.

Хоть слезы не краса – их не стыжусь, не маюсь
Я и от ревности в груди. Ведь с Вами я – прощаюсь...

Что еще мне запомнилось в те годы. Наверное, та моя жизнь, которая, по сути, и была основной. Я ведь открывал для себя город, большой город. Это всегда интересно, особенно если до приезда в этот город вы находились в тех местах, куда Макар телят не гонял. Ну, или гонял. Но что до вас – так вот она, свобода. И причем - не возвращение в родной небольшой городишко, а сразу в мегаполис.

Вот и пришла гражданочка весна;
Раз в год она приходит на свиданку.
Зазеленели за решеткой тополя;
В тот день и я проснулся спозаранку.

Меня всегда манила красота,
И я охотно наслаждался волей.
А тут тюрьма. Тюрьма, тюрьма,-- тюрьма!
Пока на нарах – не будет мне покоя.

Я представлял красавицу весну
И радовался ей я как девчонке;
Как будто забрела она в тюрьму,
Присела рядом на соседней шконке.

Взахлеб весне спешил я о чем-то рассказать,
Она внимала с грустной улыбкой,
Догадывался ли кто из нас что вспять
Не поворотить, как не выплыть из пучины зыбкой.

И мне хотелось плакать и смеяться,
И понимал я иллюзорность бытия.

Еще хотелось в комок мне сжаться,
И пожелать чтобы весна никуда не ушла!

Но как же глупо все, нелепо и печально,
Что ждет меня? – Этап, колония и длинные срока.
И не увидеть больше вольного мне света,
Сейчас тюрьма, и впереди опять тюрьма.

Весна, весна,-- через мою судьбу
Прошла ты словно красной полосой.
Весной я вышел на свободу и в тюрьму
Я знаю, попаду опять весною.

А тут еще и ситуация в стране изменилась. «Садилась» мы при Советском Союзе, а «вышли» при... бардаке. Деньги другие, все можно, свобода слова, в том числе и печатного, всякие там порножурнальчики в открытом доступе, девочки такие же открытые и доступные, общий хаос и анархия, в общем – было удивительно наблюдать окружающую жизнь. Вот, наверное, это запомнилось. Хотя и без особых каких-то деталей, как ни странно. Я не думаю, что так-то уж все забыл по прошествии каких-то пары-тройки десятков лет. Нет, скорее всего воспоминания приходят тогда, когда это нужно – чтобы пришли именно они, какие-то конкретные воспоминания. Всею свой срок как говориться. Все течет, все изменяется. Выше головы не пригнешь. В одну реку не вступить дважды. Ну и прочее из схожей серии основополагающих загонов бытия. Наблюдений там и прочее.

Затянулось небо грустью, я рыдаю вместе с ним
Каплями дождя, что на лицо мне падают.
И все кажется как будто, я домой к себе бегу,
И я мал, и ждут меня мама с папою.

И все будет хорошо, и впереди моя мечта,
Которая исполнится, как будто бы.
И не спрашивал тогда, за что так больно бьешь меня

Эх судьбы моя ты, эх – судьба.

И устала от меня, жизнь сердитая моя,
И так хочется сказать - я ведь свой.
И вот понимаю я, что не понял ни черта,
И хочется кричать: за что итог такой?

А жизнь – она ведь, в общем, хороша,
Да не про нас тот разговор, проходит мимо все.
И тихо ноет и скулит, моя пропащая душа,
И я на все смотрю глазами понимающими.

Верните, верните мне детство,
Возьмите жизнь, что будет впереди.
И так мне хочется согреться
От маминой, неземной, любви.

С Олей я действительно в тот период как-то быстро расстался. Но она продолжала жить со мной (в другой комнате). Кстати, шутка сказать, но подобные отношения с тех пор были у меня практически с каждой женщиной. Мы начинали жить вместе, а после каждый жил сам по себе, но находились при этом вместе. Пребывали, то есть, в одном помещении и, наверное, в глазах окружающих считались мужем и женой. Хотя фактически - так особо не было. А живя с Олей, я еще и приводил домой девок. После, с другими, такого уже не позволял (по крайней мере регулярно), а вот Оле досталась подобная участь. Впрочем, она особенно не переживала. Да я думаю, и никто из моих последующих женщин не переживал бы. Но тогда получается, это я уже не решался. Должна же быть какая-то порядочность...

Теперь все чаще вспоминаю я былое,
Этапы, переключки, лай собак.
Скулит душа, воображение большое
Рисует жизнь, да все не так.

Из памяти не выбросишь срока,

И этот запах тусклый казематов.
Все ни к чему и не поднимется рука
Перечеркнуть все, и я распятый

Перед собою сам я предстаю,
И хочется напиться с горя водки,
И все забыть, но все чего-то жду,
Быть может снова новой ходки.

И по этапам я шагаю улыбаясь,
И зоны я по кругу обхожу,
И на суде уже не так теряюсь
Как в первый раз, и приговора жду.

Кассационных жалоб не писал
Не смог суду я правду донести.
И в жизни много раз я умирал
От пули, от ножа, и от тоски.

Пусть кто-то скажет: он со всем смирился,
Я соглашусь: наверно это так.
Но в ноги куму никогда я не клонился,
И бил предателей и сук, чудак.

И жизнь все больше стала походить
На остов мыслей о хорошем;
И я стремлюсь о прошлом позабыть,
Хозяина забыть, и лагерь, впрочем

У нас наивные какие-то мечты,
За столько ходок - с зоной породнился,
И вот теперь стал безразличен до молвы,
Но никогда ни перед кем я не таился.

Открытый, честный, и простой,
Без гонора и без бандитской спеси,
Я и сейчас по-прежнему такой,
Живу как есть, и душу не калечу.

Глава 3. Жизнь

* * *

Уже идей не так и много,
И годы пролетели без оглядки,
Я не стою уже у каждого порога,
И не хочу играть с судьбою в прядки.

Меня не гложет грусть-тоска потери,
Давно не радует успех победы.
Я замечать стал вдруг что люди – звери,
А на земле так мало веры.

А за окном давно желтеет осень.
С усмешкой собирая листья в стаю.
На кудрях закружила проседь.
О чем-то мне, наверно, намекая...

Это стихотворение я написал, когда расстался с Аней.

Аня была загадкой в моей судьбе. Она всегда вроде как все делала правильно. Она меня очень-очень понимала, она была той эпохи что и я, мы всегда, подчеркиваю – всегда находили свой язык, общий для нас обоих. И любили этим языком (каждый своим) друг друга очень-очень сильно. Иной раз – до неистовства. Когда забывалось все вокруг. Когда мы сами вдруг превращались в эту пелену чего-то бестелесного. И уже никто из нас абсолютно ничего не понимал, что происходит на само деле. И казалось... Да нет, в том-то и дело, что в такие разы – ничего не казалось. Все походило на какой-то удивительный фейерверк страсти, эмоций, радости и наслаждения. А еще какого-то - то ли дикого покоя, то ли дзен-будистской умиротворенности. Когда казалось, что тебе доступно все. А что недоступно – попросту не нужно.

* * *

Я люблю тебя отчаянной любовью
Милая любимая моя.
Непредвзятой тихой болью
Плачет в неизвестности душа.

Грусть развея, думаю о многом,
И при этом – мысли о тебе.
В жизнь твою ворвался я наскоком
На лихом удалом жеребце.

Юморные строчки с долей грусти
Получились, но не переживай,
Я люблю тебя отчаянной любовью,
Верю мне только и об этом знай.

Понятно, что тогда в наших отношениях мы были слишком молоды, чтобы быть ответственными. Это вообще большая ошибка, когда вы сами вроде как еще дети (что такое 25 лет? Детство!), а уже берете на себя жизненные обязательства за судьбы других людей. Ведь все в мире от подсознания. В подсознание закладываются порой такие установки, которые после влияют на всю вашу жизнь. И ведь самое печальное, что такими установками в момент из закладывания, вы не управляете. И вроде как кажется взрослыми. Еще бы. Все возрастные данные на лицо. Но вот нет самого главного – мозгов. К сожалению.

Я себя потерял, и найти не могу,
Отовсюду бегу без оглядки.
На коленях стою и о счастье молю,
Но напрасно, душа не в порядке.

И тебя я ищу, и сквозь лес прохожу,
Из болот выбираться пытаюсь.
Сам себе уготовил такую судьбу,
Вам об этом с болью признаюсь.

Так спасите меня, заберите к себе,
Подарите любовь без остатка.
Пустота безысходностью бьется в душе,
И жизнь все та же загадка.

Я бы вообще, конечно, был за то, чтобы книгу жизни иной раз поворачивать назад. Чтобы тогда, когда вы становились старше, все бы складывалось таким образом, чтобы у вас вновь начиналась прежняя жизнь. Та, которая была когда-то. Скажем, лет двадцать назад. И чтобы вы по новой попытались бы ее пройти. По-другому. Наверняка ведь вы уже пройдете ее по-другому. Но... Но, к сожалению, с возрастом меняется и сознание людей. А потому... А потому – невозможно войти в одну реку дважды.

* * *

Я живу в иллюзорном мире,
А в другом и жить не хочу,
И верхушки берез голубые
Ближе мне, чем заря поутру.

Точно так же и Вами любуюсь,
Представляя совсем Вас иной,
А потом смеюсь и чаруюсь
Неземной такой красотой.

Но скажите – насколько возможно
Продолжать мне и дальше так жить?
Ведь все время одно непреложно —
Вас искать мне и не находить...

Помню, мы с Аней участвовали в попытке некоего криминала. Суть в следующем. Ко мне обратились двое людей. Они были друзья. И попросили, чтобы я отнял у другого деньги. Ну не сам, понятно. Организовал это дело.

--Не понял?— спросил я.

--Ну как же, все очень просто,--начал кипятиться один.— То, что мы друзья с ним (он показал на второго), не знают те, кто будет еще с нами.

--Так.

--Вы или Ваши подручные...

--Подручные.

--Да, Ваши подручные, зная, во сколько этот человек (он показал на второго) выйдет из лифта на лестничной клетке, чтобы войти к себе в квартиру, набрасываетесь на него, отнимаете портфель с деньгами, и спускаетесь на лифте.

--А кто с ним еще будет? Он же будет не один?

--Вот-вот,--оживился второй.— Со мной будут еще двое коллег по моей фирме. Они как бы сопровождают меня домой, где должны отдать мне деньги в обмен на некие бумаги.

--А что прикажет делать с ними?— поинтересовался я.

--Ну, их можно оглушить чем-нибудь...--начал первый.

--Нет, ребята, это уже криминал,--перебил его я.— Одно дело вы сами между собой договорились, иное кого-то еще подставлять.

--Но мы же готовы Вам заплатить за это...(он назвал сумму, которая равнялась половине стоимости «Мерседеса»).

--?

--Вот именно,-- многозначительно перемигнулись оба друга.

--А есть ли в вашем плане что-либо без травмирования коллег?- улыбнулся я.

--Есть,-- вздохнул первый.— Мы предусмотрели и этот план на случай, если Вы откажетесь.

--И?

--Деньги Вам могут отдать под угрозой применения оружия.

--Ну опять сад-огород,--усмехнулся я.— Ведь для суда это почти одно и то же. Угроза убийством, грабеж, да еще и незаконное хранение или ношение огнестрельного оружия. Да у меня и нет пистолета.

--Мы Вам дадим,-- охотно вставил слово второй.

--Нет,--ответил я.— Третий вариант предусматривался?

--Предусматривался,--потупив взор, ответил второй.

--И какой же? (Мне подумалось, что сейчас скажут что-то типа «Тогда мы справимся без Вас»).

--Третий вариант – это когда...-- сейчас не помню уже что был за третий вариант, но поверьте – такая же без фантазийная ерунда криминальной направленности.

--Нет, так дело не пойдет,-- сказал я. (Мне представилась сумма; сумма манила).— Я предлагаю свой вариант.

Эти двое уставили на меня свои взоры.

--Вы,-- я показал на второго,-- открываете дверь, и слышите стоны.

--???

--Это стонет якобы Ваша жена, которая, не ожидая Вашего прихода (Вы должны прийти в такое время, когда никогда не приходите, для достоверности событий для Ваших сопровождающих), так вот, жена Ваша, не ожидая Вашего прихода раньше времени, занимается сексом с другим мужчиной. Постарайтесь, чтобы Вы и спутники Ваши вместе вошли в квартиру и увидели через приоткрытую Вами дверь обнаженную женщину с обнаженным мужчиной.

--???

--Далее,-- я внимательно посмотрел на двоих друзей, словно оценивая насколько они понимают, о чем я им говорю.— Вы (я показал рукой на второго) начинаете истошно орать, кричать, ругаться, хватаете стоящую рядом с дверью швабру (мы ее туда заранее поставим), и, прося своих спутников подождать, вскакиваете в комнату. Портфель, разумеется, должен быть у Вас в руке. Как войдете – закроете дверь. На замок.

--И?— в ожидании сенсации двое друзей жадно глотали открытыми ртами воздух.

--В комнате Вы начинаете крушить мебель, якобы дерясь с женой и ее любовником, будут слышны истошные женские визги, Ваши крики, шлепки ударов, стоны – уже от боли – другого мужчины, его извинительные крики, ну, в общем, пока будет разыгран этот спектакль, мы вынем все деньги из вашего портфеля и положим туда «куклу». Такие же деньги, только фальшивые.

--!!!— брови обеих друзей восторженно вскинулись вверх.

--Естественно, Ваши коллеги захотят прийти Вам на помощь. Но не сразу, а примерно через полминуты, которая им понадобится, чтобы справиться с первым шоком от внезапно увиденной ситуации. (Ну, то есть, как минимум полминуты им все равно потребуется, чтобы прийти в себя,-- пояснил я). Они станут рваться к Вам, дверь Вы откроете, выйдете, после захлопните ее со словами обращенными к жене и любовнице что-то типа того «Ладно, с меня хватит. Одевайтесь и убирайтесь из моей квартиры оба! Даю Вам 15 минут на сборы!»), после чего закроете дверь и предложите Вашим спутникам немного обождать в соседнем кафе. Спуститесь с ними вниз. Портфель также будет все время у Вас. Вы сядете в машину, и проедете в ближайшее кафе, но на самом деле выберете не первое попавшееся, а чуть подальше от дома.

--Там рядом как раз нет кафе,-- улыбнулся первый, посмотрев на второго.

--Да,--подтвердил тот.— Ближайшее кафе в паре километров.

--Ну вот и отлично,--сказал я, улыбнувшись и внутренне радуясь, подсознательно понимаю что план им понравился.

--А что дальше?

--Дальше Вы пьете кофе в кафе, и минут через 20-25 едете домой. Лучше через полчаса. А когда приезжаете домой – ваша квартира будет гореть.

--То есть?— вскрикнули оба, явно не ожидая такого поворота событий.

--Мы подождем только дверь,--пояснил я.— Надеюсь она не железная?

--Нет, еще как в советское время, с дерматиновой обшивкой.

--Ну вот,--улыбнулся я.

--А...,--удивленно потянул первый.

--Вы станете звонить в пожарную охрану, дождетесь, как она приедет, спуститесь тем временем вниз, к Вам подойдут два сотрудника в форме и предложат Вам проехать с ними. Посадят Вас в милицейскую машину. Перед тем как сесть туда Вы отдадите портфель обратно своим спутникам, изобразите очень испуганное лицо, пробормочете что-то типа того что «в другой раз», сядете в машину к нашим людям (как Вы уже поняли, везде будут задействованы наши люди), ну и все. Они Вам отдадут Вашу долю, оставив нашу. Вот такой вариант,-- улыбнулся я.

Возникла пауза, во время которой два моих визави, видимо, осилено обдумывали услышанное.

--А когда они (он имел в виду коллег) узнают что деньги фальшивые?— спросил первый.

--А когда они узнают что деньги фальшивые,-- ответил я,-- Вы разведете руками и сделаете недоуменное лицо. Вы тот тут ни при чем. Как вошли – помните, что бросили (обратите внимание,- уточнил я,--именно бросили, а не поставили, нам важно разыграть, что вы были в состоянии аффекта) портфель на пол и дальше не помните, что происходило.

После чего снова взяли портфель в руки и уже дальше они видели.

--Так,-- задумался второй.— Попахивает таким детективом.

--Ну смотрите сами,-- я разыграл легкую степень обиды.— В любом случае это лучше, чем вы предлагали.

--Почему лучше?— заинтересованно посмотрел на меня первый.

--Ну как же,-- изумился (разыграл изумление) я.— В моем варианте вы оставляет им недосказанность. А любую недосказанность люди трактуют не только самостоятельно, но и зачастую ошибочно. Тем более их двое, значит, у них возникнет как минимум две различные версии. А это уже...

--Я понял Вас,-- восхищенно заметил второй. (Я посмотрел на него, и отметил про себя, что «этот» принял мой план. Значит, мне осталось «обработать» первого.)

--Это действительно великолепно,--вторил ему первый.— Но вот, с Вашего позволения (взгляд на меня – до этого он начинал говорить, смотря куда-то в сторону; куда, впрочем, и сейчас уже ушел его взгляд) – если все-таки возникнут у них вопросы и они обратятся в самую милицию.

--Так милиция ведь подставная,-- начал было я, да понял, что он имел в виду.— А, Вы имеете в виду ту милицию (я поднял указательный палец вверх и показал видимо в моем представлении в сторону главной милиции города или даже может быть страны), ту милицию?

--Да,-- смущенно улыбнулся он.

--Ну, в этом случае, скажите мне – деньги эти заработаны законно? У них есть декларация о доходах, сумма проведена через банк или может быть скоплена непосильным трудом нескольких поколений?

Они понял мою мысль.

--Вы правы,-- наконец через недолгой паузы произнес первый.— В милицию они не побегут.

--Тем более это уже не милиция, а полиция,-- улыбнулся второй.

--Да нет, переименование в проекте, пока не произошло,-- уточнил я. (Сейчас вот, вспоминая это, понял, что проект на самом деле был как-то скоро одобрен и милиционеры все-таки стали полицейскими, чтобы видимо до конца уничтожить закон и порядок в стране, ибо остались худшие, те, кто смог заплатить выкуп, т.е. дать взятку, чтобы остаться; для участковых, помню, сумма та была порядка нескольких сотен тысяч рублей, для гаишников, понятно, много больше).

--Ну как бы то ни было,--сказал я.— Они и правда не пойдут.

--А если наймут бандитов,-- спохватился второй, который до этого уже вроде как расслабился и стал скучать, думая типа, «что я тут делаю». А вот, надо же, «нашел» себе занятие.

--В этом случае вы обращаетесь ко мне,-- уверенно сказал я,-- и мы это дело «разруливаем».

--Уже за отдельную плату,-- усмехнулся первый.

--Ребята,--я сделал серьезное лицо (как мог) и посмотрел на обоих.— Я ведь не бандит. Я Вам помогаю в этом деле, потому что хочу помочь. Сколько запросят бандиты ради вашего спасения (нашего,-- пытался было вставить и первый и второй почти одновременно),--Вашего (!) – еще раз уточнил я, зло (как мог) посмотрев на обоих. Вашего. Так вот, когда они назовут эту сумму, вы должны ее заплатить. Иначе лучше бы не обращались.

--Это какой-то развод нас на деньги,-- вспыхнул первый.

--Знаешь что, мальчик,-- вспыхнул я (на этот раз уже искренне).— Если тебе что-то не нравится, надо было думать раньше. Еще до вашего обращения ко мне. Сейчас поздно. Информация принята. Я вам рассказал план действий. От вас теперь сделать все так, чтобы не сорвался план прихода в квартиру, и чтобы в портфеле были деньги. Остальное я сделаю сам. И передам вашу сумму. Договорились?— я протянул руку.

--Договорились,-- пожал мою руку второй.

--Договорились?!— я зло посмотрел на первого, протягивая руку ему отдельно.

--Договорились,-- пожал ее первый.

--Ну, тогда все, расходимся. Жду информации, когда будет встреча.

Забегая вперед, скажу, что у этих мудаков ничего не получилось. Хотя я вспомнил уже после встречи, что они не спросили, кто будет играть роль жены (жены у «второго» не было). Ну да на эту роль я как раз и предназначал Аню.

Был в Ане некий авантюризм. Это мне в те годы нравилось. Еще был высокий рост и смазливая внешность. После предыдущей жены это мне казалось самое то. Ну а, кроме того, было еще нечто, из-за чего, собственно, у нас и произошел брак. Ее сестра.

Сестра Ани мне понравилась сразу. Я понравился ей. Когда Ани не было дома, у нас случился первый секс. Потом он продолжался всякий раз. Я учил эту девочку сосать член, гладить яички, целовать, ласкать и гладить. Она благодарно отзывалась на учебу. Помнится, когда много позже сестра Ани сказала что выходит замуж, я даже немного опечалился. Одно дело, когда девочка живет в квартире с вами, и совсем иное – когда переедет к мужу.

И уже может совпадение, но практически сразу после этого и мы расстались с Аней. Я ушел. Развод оформили много лет позже. Видимо она еще на что-то надеялась, но я уже не мог с ней жить. У нее все чаще начинались упреки (в основном из-за денег, я давно заметил, что у женщин все упреки из-за денег – давайте им денег, и они будут любить вас, даже если знать, что вы спите с другими).

* * *

Ведь не сказать, что я боюсь,
О Вас не думаю почти,
Ко мне приходит только грусть
От осознания беды.

Да боль какая-то в груди
Не отпускает ни на миг,
Ты подожди, не уходи,
Признаюсь я сейчас в любви.

Но что-то сдерживает вдруг,
Как и когда-то, и всегда
Мы говорим друг другу «Вы»,
И любите Вы не меня...

Глава 4. Реальность

Лена была в прошлом чемпионка по гимнастике. В свои тридцать (когда мы с ней познакомились) имела потрясающую фигуру. Само знакомство произошло любопытно. Я пришел в кабак. Мест не было. На мое недоумение и просьбу что-нибудь придумать, официантка предложила подсесть к двум девушкам. Они были не против. Ушли мы после втроем. Ко мне. Трахнул я их обоих, и... предложил остаться любой из них. Или обоим вместе. Осталась Лена. У подруги оказался муж.

* * *

Липкий пот капал с тела,
и словно набат
разбудил на рассвете меня;
Вздрагнул день
когда я
отворил глаза,
прошептал: прости меня;
Боже мой,
глупец,
не успел удержать:
(сам, дав тебе уйти).
Безумец,
теперь
смеешь ли рыдать?
(ведь оборвались пути).
Нас держали не цепи –
сплотила любовь

(В стократ слабее гранит!).

И я плакал...

с отчаянья лилась кровь...

А в сердце жар палит.

И сердце рыдает

и плачет душа

В разлуке, пронзая болью

Проходят дни;

-- и пелена

Опустилась на дни горькой скорбью.

Возвратись,

хоть не в силах

тебя я простить,

Но и все же молю

– вернись!

А вернуться ей –

хватит ли сил?..

Прошептало мне небо...

Жди...

Только через время я обнаружил, какой скверный характер оказался у Лены. Ужас, какой характер. Он, видимо, проявлялся и раньше, да я вот только особо как-то не замечал. Но вот натерпелся... И только после я понял, что она-то может тут и ни причем. Болезнь ее играла большую роль, «щитовидка», как говорят в народе. Именно «щитовидка» иной раз сносила головы не одной русской женщине, деля из доселе вроде как приличных домохозяек - откровенных стерв и настоящих сумасшедших.

* * *

Как я хотел бы заглянуть

во глубину прекрасных глаз,

И циферблата повернуть

назад ход стрелок хоть на час.
Побудь еще чуть-чуть со мной,
хотя бы просто посиди,
И тайну мне свою открой;
но подожди... не уходи.
Я не успел еще спросить
где мне теперь тебя найти?
И сколько жизни до тебя
мне предстоит еще пройти?

...исчезла в дымке сновидений
моя несбыточная фея.
А может в пелене мгновений,
мне это все -- мечта навеяла?..

По сути, о Лене и писать-то мне как-то не хотелось. При этом, вспоминая то время, я понимал, именно тот период жизни наложил определенный отпечаток на мою дальнейшую судьбу. Шутка сказать, прожили мы почти десятилетие. За это время я значительно вырос в собственном становлении как личность, освоил несколько новых профессий (гуманитарных, ибо «к технике» душа не лежала почти никогда), достиг даже определенных высот. И еще требуется поистине разобраться: была ли в этом заслуга именно Лены, или же без нее (ну или с другой) таких бы успехов было больше.

* * *

Давайте помолчим. И вспомним то, что было.
Оставим где-то в прошлом – обиды, распри. Сор
Уйдет пусть из души. Их нет. Вокруг – могилы;
А кладбище, живым, всегда немой укор.

Мы вспомним о другом. Мы вспомним о хорошем,
Уйдем лишь чуть волнение, пережидая боль.
Она его любила... И он, ведь, ее тоже;
Наветы «за глаза»... да я ведь не о том.

Я не о том... А впрочем, за каждым без сомнений
Есть что-то; грех, пусть; иль просто боль души.
Но уж в который раз, чрез смену поколений,
Молю я все так же: простите меня, прости...

Мне почему-то кажется, что- и да - и нет. С одной стороны, она мне совсем не мешала жить, взяв ведение домашнего хозяйства на себя. Ходила в магазин, готовила, стирала, убирала. Я занимался только своими делами и был полностью предоставлен самому себе. В этом, наверное, огромный плюс. Минус... Сейчас пока минусом таких чтобы явных - не вижу, ибо Лена неким чудодейственным образом уберегла меня от всех тех пороков, коим я предавался и до нее и особенно после. Особенно алкоголь. При Лене я как-то вообще не пил. Случилась со мной аллергия (как понял – на нервной почве). Да и выпить с ней невозможно, ибо она и так требовала, чтобы я ее держал в руках, а если бы хоть немного расслабился – она бы смогла нанести свой удар, после которого все. Неизвестно бы где я оказался.

* * *

Не ждите от людей благословений;
Да и при жизни – не каждому дано.
Никто на службе не заметит ваших рвений,
Что было - не было, никто не знает. Все одно.

Лишь прах коснется хладости могил,
Народ о вас изменит свое мнение;
Тогда все скажут: «Боже, как он жил!?!..
Прожить бы каждому из нас так хоть мгновенье».

Года проходят; а с ними и века;
Смотрю на мир, а в нем одно и то же:
При жизни нас ругают «за глаза»,
(Да так порой, что пробирает и слеза),
А на могилах заключают: «Да... мир сложен...»...

Вообще-то, справедливости ради стоило сказать о том, что именно благодаря Лене произошел определенный (и достаточно большой) прорыв в моей жизни.

* * *

Давайте помолчим, на миг уйдем волнение,
От боли и тревог не скрыться, но порой
Так хочется в душе простого вдохновения,
Чуть-чуть так помечтать, а после – и домой.

Но мы пока что здесь. Воспоминанья память
Накручивает в мыслях обыденности ком;
Виски уж припорошены, и на равнинах замять,
Но мы идем по краю, преодолевая сон.

Да, спим мы все, порой боясь признаться
В ранимости душевной и шаткости в судьбе.
Нас книги с детства учат - пред страхом не сдаваться,
Но вряд ли кто научит, как разобраться нам в себе...

Да, она иной достаточно сильно «вымораживала» меня своей непредсказуемостью, но все же
– мы прожили вместе достаточно долгую жизнь (пока рекорд моих браков!).

* * *

Вы говорите: «все напрасно».
Вам отчего-то верю я.
Но боязливо и негласно
Стремлюсь вернуть Вас для себя.

Ах, эта чудная нелепость,
Неспешный шум шагов, туман.
И позабыта на миг верность,
И нет меня, и словно пьян

Я от любви, от этой тайны,
От недописанных стихов.
И как-то грустно возвращаться

Обратно мне – из мира снов.

Поэтому, с одной стороны, я не могу много о ней писать, ибо жизнь с ней была однообразна, но уже с другой стороны, именно в этой вот однообразности – таилась судьба человека. Ибо именно при ней у меня случилась эта страшная болезнь (для всех мужчин) – аллергия на алкоголь (все-таки уверен, что она мне что-то «подсыпала», ибо готовила пищу только она), но как бы то ни было- я не пил. Вообще. А потому создал многое из того, что наверное и не должен был создать в те годы.

* * *

Ты не смотришь, не плачешь, не смеешься

И в конце концов мне это кажется.

И на имя на какое отзовешься?

И в одежды какие нарядишься?

А я мимо иду незамеченный

Улыбнусь быть может тайком,

Жизнь ключом бьет и путь отмеченный

Разрезает пространство огнем.

Не пойму я тебя, не увижу я,

Да пожалуй не встречу, но где

Пролегал то время безбрежное

Когда вместе мы были? Судьбе

Уж давно уготовано хмуриться

Да смеяться разучился и сам;

Но так хочется просто зажмуриться

И увидеть тебя... Но мечтам

Но мечтам не уготовано сбыться

Да должны ли сбываться они?

И лишь что-то – осторожно и тихо

Просит меня: подожди...

И главное – окончил три вуза. С красным дипломом. Впрочем, все свои вузы я всегда традиционно заканчивал только с красным дипломом. Так что здесь уж она не причем. (К моменту написания книги окончил уже семь, то ли еще будет?!). Но то, что именно тогда я окончил сразу три вуза (понятно, как всегда экстерном), думаю заслуга ее. Ну, или – моей жизни с ней. Что, по сути, одно и то же.

* * *

В израненном сердце волна беспокойства

И нерв – призывом – звучит в ночи.

Среди многочисленного многоголосья

Один я. Но что-то говорит: подожди.

Но как же устал я. Душа беспокойно

Жметя, ежится, просит, скулит.

И я одиноко бреду в бездорожье,

Всю жизнь напролет извечно один.

И мне говорят – за тобой не угнаться.

Ты сам сжигаешь за собою мосты.

А мне так хочется порой разрыдаться,

И хоть кому-то признаться в любви.

И все-таки Лена, конечно же, требовала, чтобы рассказать о ней больше. Даже сам не знаю, почему так. Вроде как и правда, прожил с ней больше всех, ан нет, пишу мало.

Когда я ее встретил, она работала на трех работах. Вернее, давайте так. Чем она меня взяла? Она меня «взяла» четырьмя очень серьезными обстоятельствами. Во-первых, сказала что работает в представительстве дип.корпуса (дип. – это дипломатического) одной из западных стран (по-моему, как помню, она назвала Нидерланды). Во-вторых, носила редкую фамилию моей любовницы (любовница – жена известного человека – была меня старше на восемь лет, Лена - на четыре). В третьих, имела двойной фаллоимитатор, одновременно для анального и вагинального секса (в то время фаллоимитаторы вообще были в новинку, потому, если кто имел его – так только чтобы мастурбировать свою вагину, а тут сразу «двойное удовольствие», и в третьих – женщины

постсоветского пространства вообще были большей частью фригидны и не умели пользоваться западными штучками, а если нет мужика – предпочитали, чтобы пизда их «зарастала мхом». Но не пускались во все «тяжкое»...

В общем, с Леной я понял, что будет все окей. Я ведь и сам любил переходы с попы (анала), в рот, и после в пизду (вагину). А тут, как говорится, и учить не надо. Еби да потрескивай харей от удовольствия... Что я, собственно, и делал...

* * *

Как я хотел бы заглянуть
 во глубину прекрасных глаз,
И циферблата повернуть
 назад ход стрелок хоть на час.
Побудь еще чуть-чуть со мной,
 хотя бы просто посиди,
И тайну мне свою открой;
 но подожди... не уходи.
Я не успел еще спросить
 где мне теперь тебя найти?
И сколько жизни до тебя
 мне предстоит еще пройти?

...исчезла в дымке сновидений
 моя несбыточная фея.
А может в пелене мгновений,
 мне это все -- мечта навеяла?..

Глава 5. Позиция

Эта маленькая шлюшка подкупила меня своей влюбленностью в меня. Зоя. Зоя...

Пусть будет проклят этот мир,
В котором я лишь только гость.
Тебя еще я не забыл,

И рана также сердце жжет.

К чему теперь моя любовь,
К чему страдания души,
Зачем течет по венам кровь,
И я прошу: ты не молчи.

Не забывай меня совсем,
Устало воздухом дышу.
И вроде ты тут не при чем,
Себе я сам вдруг говорю.

А впрочем, так просила ты,
Влюбила в шутку, и назло
Теперь за что-то ты мне мстишь,
А я люблю ведь все равно...

Зое было тогда 25 лет, жила она с грузином, и видимо брак их подошел к логическому завершению, когда она встретила меня.

Я даже не знаю - за что это счастье,
Я жил как жил, о любви не мечтал;
В влюбленность не верил, ну а ненастье
В судьбе - как должное воспринимал.

Тебя повстречал и увидел глаза,
Большие глаза, излучавшие грусть,
Об этом спросил, спросил тогда я
Подумав при этом – влюблюсь!

О любви тебе тогда я сказал
А ты обняла и во всем призналась
О том, что любила сама меня

Ну а признаться мне не решалась

Что это? судьба? поверю в судьбу,
И в тебя, и в любовь, и во все поверю!
Но вдруг сказала ты: не могу
Тебя полюбить, я себе не верю.

Я опешил, хотел было обнять,
Ты отстранилась, и безучастно
Сказала: не хочу тебя обижать
Но ты полюбил меня напрасно.

Постой, о чем ты мне говоришь?
За что бросаешь слова прощанья?
А ты все одно - меня позабыть
Ты должен, и вообще, до свиданья.

Тогда я не понял вообще ничего,
И потом не понял, до сих пор в печали,
А ты живешь и никого
Не любишь, обо мне вспоминая

Я верю что любишь, я верю и жду
Когда ты придешь, возвратишься, а я
Губами к губам твоим прикоснусь
И ты прошепчешь: люблю тебя снова.

Но будет ли счастлива такая любовь?
А мне все равно, без тебя не могу.
Потому что с тобой только живу,
Потому что тебя не любить не могу,
Потому что тебя дни и ночи жду,
Потому что люблю, люблю, люблю...

Первые полгода мы просто разговаривали. Потом я ее трахнул. Зоя сказала что-то типа «с этого надо было начинать», тут же выгнала своего грузина, и стала ебаться со мной.

К слову, поначалу трахаться она не умела. Сосала вообще зубами (я всегда боялся, что откусит ненароком). Зато когда мы расставались, Зоя несколько раз приезжала ко мне удостовериться что научилась сосать.

Сосать стала она действительно отменно. Без помощи рук, только головой и шеей. Она была послушная ученица. И как понял я, выбрала меня, чтобы я ее окончательно развратил. Для другого. Она всегда хотела «олигарха». Чтобы просто сосать, а он платил бы деньги и полностью обеспечивал.

* * *

Я постоянный в собственной любви,
И свои чувства посвящаю я тебе.
Прошу: меня любовью не томи,
Одна ты в моей собственной судьбе.

И жизни. И поверь, что навека
Тебя люблю, и не желаю я другое,
Лишь целовать и обнимать тебя,
И чувствовать в душе тепло родное.

Зоя была из богатой семьи. Мама и папа - крупные директора на своих предприятиях, миллионеры. Вернее, мама миллионерша, а папа – мультимиллионер. Мужа она искала, по ее словам, «богаче папы». Судя по тому, что после нашего расставания (прожили мы года три вместе) периодически приезжала «стажироваться» ко мне – не нашла. Уверен, что пока не нашла; девушка хорошея, пусть ей улыбнется удача. Если сможет приструнить свой характер.

В ее характере, собственно говоря, и было ее «слабое звено». Если по внешности Зоя вполне могла котироваться, то характер был ее ужасен. Своенравна - как дикая козочка, Зоя, я уверен, все свои ошибки в жизни совершила как раз из-за своего характера. Нет, характер ее не был своенравен. Нет. Он был ужасен! Зоя могла вспылить ни с того ни с сего только из-за того, что ей что-то показалось не так. «Не так» - это значит то, что нечто могло решиться не в ее пользу. Тут она вскипала и не оставляла пощады никому. Даже самым близким. Вернее – в первую очередь

страдали ее близкие. Но если папа да мама это еще ладно – их дочь, пусть и терпят – то почему должен страдать я? Я ни страдал. И, наверное, из-за этого вскоре с Зоей расстался. Ужасное было зрелище. Тем более что тогда Зоя наоборот – вдруг вспылала ко мне самой дикой любовью. До этого я знал, что дикая может быть только ненависть. Ан нет. Оказалось, что дикой может быть и любовь.

Что такое «дикая» любовь? Это когда женщина вдруг понимает, что на свете никого кроме предмета ее любви не существует. При этом сам предмет любви – его мнение – не важно. Понимаете? В подростковом возрасте из-за этого заканчивают жизнь самоубийством. Называется – не ответная любовь. Но Зоя отнюдь не была в подростковом возрасте. Когда мы расстались - ей уже было под тридцать. (Ну, пару-тройку лет меньше, если быть точнее). Но все равно. Зоя сходила с ума, буквально сходила с ума, напрочь забыв обо всем на свете.

А я... Я... Ну а что я мог поделать? Опять идти на «передовую» и «махать шашкой»? Увольте. Устал. За несколько лет нашего брака я устал так, как не уставал за десятилетие до того. Кстати, и после. То есть – и до и после – я не уставал так, как при жизни с Зоей. Вы только представьте. В один момент у нее все могло поменяться. Доселе жизнерадостная – она могла превратиться в фурию. Также, впрочем, как если была до этого в роли «фурии» - могла превратиться в самую ласковую и нежную женщину на свете. Но для таких женщин, наверное, должен быть и мужчина соответствующий. Этаким безвольный фитиль. И ни в коем случае не взрывной.

Я был взрывной.

Я с очень большим трудом в этой жизни сдерживаю себя, чтобы «не махать шашкой». Так и хочется достать шашку да рубать всех врагов в капусту. А врагами иной раз могут быть чуть ли не все. Эта бестолковая масса, которая все время куда-то спешит, расталкивает вас, наступает на ноги, воняет, неопрятно одета, с гнилыми зубами и пустыми кошельками, эта масса считает, что именно она на самом деле верх превосходства. Да это еще хорошо, если молчит. А как начинает говорить – тут перед вами и мещанский тупизм коробочек, и слюнявость маниловых, и бездарность вкупе с бесцеремонностью ноздревых, и жадность плюшкиных, и глупость собакевичей, и лень обломовых; все вмещает в себя эта масса, которая своей дикой и неопрятной толпой надвигается на вас, так что хочется отдать приказ солдатам встать в цепь, скомандовав: «Каравул – на ружье! Целься! Пли!» - и чтобы как в фильме «Потемкин», бежали они по ступеням, падали и стонали от ран, а их добивать, добивать, добивать! Вот что на самом деле хочется. Но я же - так не делаю. Я же все время держу себя в руках. Я же не позволяю даже голоса повесить, а как порой хочется. Но если могу сдерживаться я – почему я должен терпеть всю эту бабскую несдержанность со стороны других? А Зоя была ярчайшим проявлением бабского тупизма. Знаете, есть женщины, есть бабы, а есть тетки.

Самое страшное - бабы и тетки. Тетки – это мещанки. Глупые дуры с набитыми соломой мозгами (вернее – вместо мозгов солома, скорее так). А бабы – это те, кто позволяет себе проявлять бабский характер. И это ужасно. И это противно. И я всегда от этого бежал. Бежал сломя голову. Ну а как иначе.

Горевать – не горевать, воровать – не воровать,
Много будешь знать – совсем состаришься;
Кабы годы повернуть - да назад.
Да не вернуть судьбу, как ни стараешься.

Я на свете этом жил, и кого когда любил,
Что сейчас себя винить,-- ты не спрашивай;
И за что кого прощал, изменял и не ругал,
Это жизнь была такая, не загадывай.

А когда-то я вздыхал, таял, плакал и молчал,
Было время и куда оно подевалось.
Все напрасно, все менял, я судьбу свою менял,
И грустил я, и страдал, и просто маялся.

Как хочу все изменить, как хочу тебя любить,
Не грустить-переживать, а только радоваться.
Все закончилось давно, но тебя мне не забыть,
Как ни стараться, к чему себя обманывать...

Эх, Зоя, Зоя... Из нас такая могла получиться отличная пара... Если бы, конечно, сломался я, то есть ты бы могла меня сломать. Сделать «подкаблучником». Но это ведь основная причина моих разводов – что рано или поздно женщины начинали пытаться сделать из меня «подкаблучника». Не получалось. Я восставал, сначала восставал, пытался образумливать – ведь любил – но, как говорится, что в лоб, что по лбу. И тогда я уходил. Навсегда, раз и бесповоротно.

Совсем запутался в вопросах бытия,

И жизнь давно проходит без ответов,
Нелепостью проникнута судьба,
Сражен усмешками наветов.

И впереди не то все и не та,
Моя судьба нелепа и печальна,
И черная сомнительная тайна
Все также бьет из-за угла.

Такого раньше не было со мною,
А может сам себя не знаю, потому
Замки судьбы давно разрушены бедою,
И выхода уже давно не жду.

Запутался, устал, и нет прощенья
За прошлые нелепые грехи.
И отвергаю все без сожаленья,
И не прошу я никого, пойми

Пойми меня лишь ты, а впрочем
Напрасны поиски, готов признаться сам.
А мысли грустны и порочны,
И на душе царит бедлам.

А есть ли выход? Если честно – я не знаю.
Но хочется так верить: впереди
Что ждет меня судьба другая,
И есть еще достойные пути.

При этом я отчего-то верил, что так-то просто с Зоей все не закончено. Да, уже после я несколько раз оказывался женат, да, сама Зоя уже вышла замуж и успела развестись, да все было и многое еще будет – но так-то просто Зоя никогда не исчезнет в моей жизни. Она просто станет старше, мудрее, поймет, что женщина не должна пиздеть (и даже не попиздывать) - если хочет жить с мужчиной, а потому Зоя ко мне еще вернется. Мне будет трудней, ибо надо будет сделать

очередной выбор – поверить ей и принять, или послать на хуй. Ну, в смысле, на другой хуй. А после все равно думать: что делать. И ждать. Ибо люблю.

Эта жизнь ломает судьбы,
Просто некуда сбежать.
Одиноко и беспутно,
Никому не передать.

Что отрезок жизни сломан,
Где тот шаг, найду ль теперь?
И судьбой моей изгвоздан,
В невесомость вижу дверь.

И нелепостью созданья,
Порожденный, я уйду.
И все также непреложно,
Я люблю тебя одну.

Глава 6. Фантазия

Вика была настоящая блядь в постели, кухарка на кухне, и наложница по жизни. Встретил я ее, можно сказать, случайно. Зашел в ресторан с товарищем покушать. Ресторан оказался частный. Заказ у нас принял сам хозяин. А принесла заказ его дочь, официантка (помогала папе).

К слову сказать, это действительно был семейный подряд. Поваром был гражданский муж Вики (я его выгнал, как только об этом узнал). Мама ее помогала по уборке (что-то типа завхоза). В общем, этакий семейный подряд.

В общем, принесла нам эта девочка заказ (девочке недавно исполнилось 20 лет, была она метр восемьдесят пять сантиметров роста с параметрами 90 – 60 – 90 и недавней победой на конкурсе красоты. Правда, до наивности глупая. Ну да светских бесед я с ней вести не собирался. Использовал только для секса (ебал ее по десять раз на день – ибо возбуждала очень и внешне и тем, что кончала уже чуть ли не от поцелуя), да для выхода в люди. Кого-кого, а ее надо было выводить в люди. Я и водил ее за собой как собачку. Сворачивали шеи не только мужики, но и даже

женщины. Как раз тогда я убедился, сколько на самом деле у нас в стране потенциальных лесбиянок.

Вика ужасно любила секс. Жить мы стали вместе практически сразу. Неделя видимо ушла на то, чтобы я выяснил отношение с предыдущей женой. К сожалению, я никогда не был один, поэтому «переходил» (как «флаг революции» - шутка) к другой женщине, еще фактически живя с прежней.

В общем, выяснив все – ушел. Вика была счастлива. Помню, как она меня встретила. Я приехал раньше времени, холодно, замерз, она меня отогревала в ванной (водой и языком). После пили чай. После дикий секс (тогда первый между нами). Тогда уже я почувствовал, что эта девочка в плане секса заметно отличается от других. Ее не надо было возбуждать – она была возбуждена всегда, ее не надо было ебать долго – она кончала сразу, стоило вам только всунуть в нее член и немного его там повозить. Периодически она возбуждалась сама. И тогда, где бы это ни было, приходилось искать какой-то угол, чтобы дать ей в рот, потом она сама поворачивалась задом, становилась в позу лошади (на четыре конечности), поднимала хвост (впрочем, хвоста у нее не было) и буквально всасывала в себя ваш член. И кончала, кончала, кончала.

Потом кончали вы. Смешивая с радостью еще и удивление, что перед вами такой страстный сексуальный партнер. Ну, в смысле – партнерша. Потом...

Потом Вика бывало теряла сознание. Обычно она всегда после оргазма находилась в таком расслабленном состоянии, в трансе. Ей даже пить было не надо. Впрочем, когда она пила (употребляла алкогольные напитки) – она дурела. Сначала ебалась до изнеможения (в алкогольном опьянении видимо вообще стирались границы этой девочки с реальностью, и если доселе ее еще что-то сдерживало – тут разом отпускало разом все - и она становилась той, которая была – похотливой сучкой); так вот, после того как Вика выпивала – она сначала ебалась до изнеможения (требуя помимо члена всовывать ей во влагалище еще различные предметы или хотя бы руку по локоть), а после сходила с ума, ибо у нее напрочь «рвало крышу». Тогда она сбегала.

Бегала Вика хорошо. Будучи в свое время чемпионкой одного из сибирских городов по бегу, она бежала, не выбирая дороги, да еще с такой скоростью, что гнаться за ней было бессмысленно. Только один раз я побежал за ней. Догнал. Она тогда этому очень удивилась (оказывается, до меня ее никто из ее мужчин – ну те есть ее половых партнеров - догнать не мог), и отдалась мне прямо на автобусной остановке. Я же говорю что сучка. Благо, что темно уже было. И каким-то образом не оказалось прохожих. Хотя, когда она возбуждалась, глаза ее заволакивала поволока, и она тогда

ничего не видела и также ничего не хотела кроме одного: чтобы вы вошли в нее своим членом и выебали ее.

Знаете, вспомнил сейчас, что после Вики (я с ней расстался, когда устал выносить ее чудачества в виде непонятной для меня страсти к легкой атлетике – не буду же я за ней все время бегать), так вот, после Вики была у меня еще одна такая девочка, которая ебалась на улице. Полина. Хотя для Полины это был скорее некий драйв, нежели чем та вынужденная необходимость, что была свойственна Вике, которая не могла себя сдерживать исключительно по физиологическим причинам: если она не кончала – сходила с ума еще похлеще, чем от алкоголя. (Ну или точно также как без отсутствия оного).

Впрочем, она не всегда пила. Вообще, если так вспомнить, так чтобы уж сильно женщина пила (алкоголь... алкоголь..) – каждый день и помногу – было всего две: Настя (о ней я уже упоминал) и Виолетта (о ней рассказ еще впереди). Остальные не то что пили умеренно, а скорее совсем не пили, чем пили. Ну или, как ни странно, бросали пить со мной (если до меня пили много). Парадокс, однако.

В Вике, конечно, всегда на первом месте была ее внешность. Тут уж, что ни говори. Девушка заметно выделяется среди окружающих, когда у нее три явные характеристики: молодость, красота лица, и совершенство фигуры. Все три параметра в Вике были соблюдены на высшую оценку. Ну то есть идеально.

Единственно вот что... И об этом мало кто знал. Вика – фотомодель. А это значит, что на фотографиях она всегда - в выигрышном свете. Есть люди фотогеничные, есть - нет. Это значит, в жизни вы можете быть прекрасны, а вот на фото чем-то не дотягивать до совершенства.

Вика всегда оказывалась выигрышна на фото. Ну а в жизни... Если утром и не накрашенная – все равно было неплохо. Хотя ранние морщины в 20 лет - это все-таки некий нонсенс, чем правило.

Но она скрывала все гримом. Три часа у гримера – и все ок. (Шучу, она сама наносила себе грим; и управлялась в час полтора; это я вспомнил, была у меня еще одна модель. Страшная – до ужаса. Так она проводила время перед зеркалом часов пять. После этого – лицо было вполне сносно и можно было обратить внимание на красивую фигуру; хотя, опять же, какую там красивую – худую просто, как гладильная доска).

В жизни Вика, к сожалению, была полная дура. Причем такая дура, что я даже опасался, что вот, скажем, будет она идти по улице, скажет ей кто-то – «эй, дэвушка, иды суда», и откроет дверцы

машины. А она подойдет, сядет в машину, ее погладят по головке, она «растает» и сделает на радостях минет.

Хотя нет. Кавказцев Вика не любила.

А если так сделает славянин?

Меня всегда Вика пугала именно своей излишней гиперсексуальностью. Быть может потому я трахал еще по десять – двенадцать раз в день, словно спеша насытиться. Ну а Вика... Вика была всегда рада. Хотя... Я думаю, что она не ожидала, что это будет «столько раз» и на протяжении такого длительного времени. Одно дело неделя, даже месяц, а мы все-таки прожили почти год. И к концу года я уже видел, что она стала сдавать. Во-первых, я традиционно мало спал (иной раз хватало пару часов). Работал тоже не весь день. Она, к слову, вообще не работала (редкие фотосессии - не в счет). На работу я ее брал с собой. Там, бывало, тоже ее трахал (заведя в укромное местечко). В общем, я заметил, что она и правда устала. Все больше у нее начала проявляться тупость в ее черте характера и, соответственно, в поступках. Все больше мне приходилось ее наказывать. Наказывал я ее, разумеется, сексом. Ну, попросту, ебал вдвое дольше обычного. Часто уже, когда она находилась без сознания (как говорил, после нескольких оргазмов Вика теряла сознание). Но я не останавливался. Зачем. Пизда ее все равно была на распашку, рот всегда полуоткрыт в профессиональной улыбке (профессиональная привычка модели). Да она и рада была. И даже без сознания – все равно кончала. Сучка.

Удивительно, но самое грозное ругательство для Вики было, когда ее обзывали проституткой. Тут в ней все словно подлавливалось, она становилась преисполнена самого лютого гнева, она не находила себе места, ругалась, орала, бесилась в общем. И бить-то ее было в такие разы бесполезно. Это не Полина, которую если вы начинали бить - она возбуждалась, тут не тот случай. Вика возбуждалась всегда только во время секса. Там да, могли ее бить. Но если секса не было и будет даже какая-то попытка удара – она начинала пускать в бои свои руки и ноги. Длинная, сухая, с накаченными мышцами и поставленным ударом – била она хорошо. Могла «зарядить» и ногой в голову (растяжка вполне позволяла). Не могла она только бороться. Когда вы ее обхватывала и прижимали к полу, в ее голове тут же видимо включались совсем иные инстинкты, и она вам жадно отдавалась. Сучка.

Я вообще уже не раз обращал внимание на ее поразительную способность возбуждаться. Она вроде как секунду, даже полсекунды до того была абсолютно словно бы индифферентна ко всему окружающе-происходящему. И вдруг - или случайный порыв ветерка обдувал ее загривок, или же

вы начинали почесывать ее пальчиком за ушком, а может, брали ее за руку и гладил своим пальчиком ее пальчик, и все. Она моментально вспыхивала половым возбуждением, которое становилось заметно сразу же! Ее рот приоткрывался, глаза заволакивала поволока, руки начинали блуждать в поисках вашего члена, нащупав, она тут же его обхватывала пальчиками, расстегивала ширинку, и погружала в ваш член свои губы. И сосала, сосала, сосала!

Ох, как же она сосала. Язык у нее был огромнейших размеров (им она могла достать до носа!). Язык был широкий, когда Вика возбуждалась, язык становился чуть ли не в пол лица, и... как же было комфортно вашему члену, когда случалось такое. Вика сосала, и вы одновременно чувствовали «там» и тепло, и ласку, и счастье, и удачу – удачу от того, что сосет у вас такая женщина!

А еще вы чувствовали огромнейшее эстетическое удовольствие от лицезрения ее красоты. Лицо и тело ведь ее были действительно совершенны. Ни до, ни после - я еще не встречал такой красоты и такого умения обращения с членом. Она была словно рождена для секса, для обслуживания мужчин. Чтобы там не говорила Полина, для которой кумир была средневековая гейша, Вика ничего такого не говорила, но делала все, чтобы вы погрузились в вверх блаженства. Я даже не знаю, как я в итоге смог пересилить себя, как мой мозг смог пересилить тот принцип удовольствия, который заложен в каждом мужчине, когда с ним трахается такая женщина, но я в итоге смог все-таки послать Вику на хуй. Ну, в смысле – на чей-нибудь другой хуй. Мне она стала не нужна. Хотя еще много лет после я возбуждался при одном воспоминании того, как она сосала и занималась сексом со мной. И ни одна моя последующая жена должна быть благодарна ей, потому что хуй мой становился невероятно упругим, когда я вспоминал Вику, ебя при этом, понятно, уже другую.

И все-таки о Вике остались впечатления все об одном. Как она сосала. Какая упругая ее пизда. Как она кончала когда вы ее трахали в попу. Как она стонал (и кончала!) когда сосала. Одна из единственных женщин, которая кончает когда сосет. Хуй сосет. И кончает. Лепота.

А еще она любила сосать тогда, когда мы уже собрались выходить из дома. Знаете, вы заранее договариваетесь, обозначая время выхода. Одеваетесь. Вы быстрее, она дольше. Накраситься там и прочее. И вот уже готовы. И осталось только набросить верхнюю одежду. И набрасываете. И уже тянетесь к ключам, проверяя на месте ли, потому что еще пару секунд и вы сделаете пару шагов к входной двери чтобы выйти, пропустив сначала женщину, после закрыть дверь и...

Не тут-то было. Вика словно спохватывалась. Закатывала глазки. Облизывала свои губки. И смотрела на вас так невинно, что вы умилялись этому взгляду. Пока не понимали, что девушка снова «хочет».

--Что?— спрашиваете вы, делая искусственно грозный голос.—Что? Опять?

Она кивала, кивала, кивала, одновременно со своими кивками приближаясь к вам и расстегивая вам ширинку. Именно ширинку, но не все брюки. Она признавалась, что для нее это высший кайф, когда мужчина одет, а она расстегивает ему ширинку, извлекает член, и сосет, доводя до оргазма и его и себя. Себя сразу. Его чуть позже. Как я говорил Вика кончала, когда сосала; но когда она сосала вот в таком «формате» - она кончала по-особенному как-то неистово, откровенно, честно, и с неким дополнительным искусством, присущем ее артистической натуре.

Кончив, вы благодарно гладили ее по головке, приговаривая что-то типа «молодец, хорошо поработала», хотя скорее говорили эти слова про себя, нежели чем вслух, ибо понимали где-то там, на бессознательном уровне, что для Вики это совсем не важно. Она бы и так не выпустила вас, пока не излила бы себе в рот вашу сперму.

Кончив, Вика быстро шла в ванну и переодевала свои трусики. Они бывали всегда совсем мокренькими, ибо и она и правда кончала, и кончала не один раз.

Но если вы думаете, что на этом все заканчивалось – ошибаетесь, ибо это всегда было только начало. Не успели сесть в лифт – Вика снова возбуждалась. Уж не знаю отчего, может от замкнутого пространства, может от некоего подобия невесомости, может еще по какой причине, но она снова тянулась к вашему члену, вы уже не сопротивлялись, до первого этажа она обычно только успевала взять член в рот, облизать пару раз, да уже и первый этаж. Можно было подниматься наверх. Так иной раз и катались. Кончив – спускались вниз и уже шли по делам.

Но и это не все. Через время любой вашей прогулки у Вики опять вспыхивало желание. Тогда вы заходили в близлежащий магазин, направляясь к примерочную, попутно беря какую-нибудь вещь с вешалки, и в примерочной Вика опять проделывала с вами свои любимые манипуляции, а вам оставалось только придерживать закрытой дверь да уверенным голосом отвечать любопытной продавщице: что, мол, все в порядке, товар вроде как подходит, но еще меряем....

Меряем... На самом деле вы мерили своим членом глубину рта Вики. Кончив – отстраняли входящую в раж девушку. Мол, пора-пора, у нас еще дела есть незавершенные. Хотя, когда я шел с Викой то понимал, что никаких дел уже не будет, кроме как периодического захода в магазины, туалеты кафе, подворотни, где буду ее ебать. Так зачастую и выходило. Но знаете - не жалею. Во-

первых, такой страстной девочки (а она была совсем еще юное создание, более чем вдвое младше меня), так вот, такой страстной девочки у меня уже видимо не будет, а во-вторых, мне это тоже ведь нравилось. Я сам любил дикий и безудержный секс в любых его проявлениях, любил давать обсасывать свой член, а после врываться в попку красотки и ебать ее самым неистовым образом. Кончая и мысленно восклицая от счастья. Мысленно – потому что кричал от счастья я только дома. В общественных местах все-таки сдерживался. Возраст думаете? Нет, воспитание. Ну, или привычка. Привычка стараться не обращать на себя дополнительного внимания. Хотя попятно, что это не всегда удавалось. Когда мы с Викой куда-либо заходили или просто шли по улице – все обращали на нас внимание. Что они там видели? Я думаю, видели красивую пару. И еще видели Викино блядское лицо, понимания, что такая девочка непременно все время сосет, раздвигает ноги и становится раком, так, и никак иначе, в то время как основная категория женщин - это пуританки, не только не умеющие ничего в сексе, но еще и полуфригидные, которых требуется время дабы по настоящему «раздраконить», а потому мужчины всех возрастов и жадно смотрели на Вику, понимания, что она не такая как их никудышные в сексе жены, и вздыхая, что Вика не с ними, а с ними какая-нибудь толстая тетка – тире - жена или страшненькая худая дрянь – тире - невеста, и смотрели на меня, завидуя, что я имею эту девочку всегда, когда захочу (знали бы они что она – впервые в моей жизни – хочет меня чаще, чем я успеваю захотеть)...

В общем, такие дела, как говорил когда-то Курт Воннегут (правда, говорил по другому поводу). Но если бы Курт узнал о Вике, я думаю старик не отказался бы тоже посмотреть ей вслед и подумать какая хорошая девочка. Курт был старый разбойник все-таки...

Глава 7. Прорыв

Рая была женщина одного возраста со мной (выглядела моложе). И, по сути, она мне многое дала. Как буквально, так и в плане понимания Бытия.

Что говорить о том ужасе, когда вы приходите в квартиру – а квартира закрыта изнутри. Внутри – она, Рая. Которая не подает никакого желания дверь открывать, периодически выкрикивая, что в квартиру не пустит. А квартира – мной оплачена (а Раи не было жилья, она его снимала, когда в ее жизни появился я – квартиру оплачивал сам). Вы представляете этот ужас? Куда идти? Время – десять (одиннадцать, час, два) вечера или ночи. Все вещи – в квартире. Деньги – тоже. В кармане три гроша. Сволочь. После этого я ее возненавидел и развелся. А она, думаю, так и не поняла почему....

* * *

Не обижайтесь на меня
Обидеть Вас я не хотел.
Быть может только иногда
Чуть свысока на Вас смотрел.

Но в этом нет моей вины,
И ни о чем Вас не молю;
Лишь признаюсь я Вам в любви,
И ухожу, и ухожу...

Но давайте с самого начала.

На самом деле она меня научила жить. Вернее – вернула меня – себе же. Поясню.

Эта женщина какими-то образом угадала: такой, какой я должен быть. Ну, или еще вернее – такой, каким я был на самом деле.

До встречи с ней я словно бы забыл это. Загубили меня мои предыдущие бабы. То или это – и все не так. Не сразу «не так», а через время (годы) брака. Чем и обескураживали. А я, получается, шел на поводу. Хотя конечно, любая из них скажет, что я никогда ни у кого не шел на поводу. И будет права. Именно потому – скандалы, ссоры, драки.

Нет, драк не было. Кто бы устоял перед моим ударом. Драка не было. Попытки – да, были. Но я сразу уходил в «глухую защиту». Дабы ненароком не «хлопнуть» какую зарвавшуюся моль.

Ладно.

Рая меня встретила тогда, когда я «зализывал» раны после очередного бракоразводного процесса.

* * *

Я не искал простого оправданья,
Разве что выдумывал себя.
И нет былого желанья,
А жизнь бьет, да все по мозгам.

Я не верил, что смогу отыскать

Истину и выход из Пути.
И смеялся, мне ли не знать
Как глухо все до жути.

И я шел нелепо, но шел я,
Хоть и падал, но поднимался.
И там, за воротами рая
Сам себе я улыбался.

Ну, это официальная версия. На самом деле браки как происходили, так и прекращались всегда исключительно по моей инициативе. Девушки тут ни при чем. Хотя понятно, что мне хотелось это все обставить таким образом словно бы я ни при чем. Игра такая была у меня. Понятно, что об этом все знали. Понятно, что, в первую очередь, я и сам все знал. И потому...

А черт его знает, почему я продолжал играть. Задурманывая сознание самому себе, и, конечно же, им. Хотя «их» (бывших жен) она не любила. Рая вообще очень трепетно относилась к тому, с кем я жил раньше. Считаю их кухарками да простолюдинами. Сама она была из простой семьи, но «сделала» себя сама. Добившись из простых продавцов поста генерального директора сети магазинов и кафе. Этакий конгломерат, целая корпорация (в подчинении у нее было более тысяч человек). И понятно, что княжеский род пошел от нее.

* * *

Моя душа как птица в поднебесной
В полете задыхается, хрипит;
И боль в груди, и давит неизвестность,
И только помню я твое: «Прости».

Прости и ты, любимая, за раны,
И за обиды, что успел я нанести;
За все молю прощения, и кляты
Так нами и не пройденные сны.

Виню себя во всем я - как иначе?
Поверь, что не могу я допустить
Чтобы страдала ты; люблю; и плачет

Душа, тебя мне не позабыть.

Мне не забыть счастливые минуты,
Часы и дни, переходящие в века;
И я молю: меня не позабудь ты,
Ведь я люблю! И ты, моя!

Встретились мы случайно. В магазине. Я выбирал коньяк, она тоже. Сейчас не помню, кто-то из нас спросил совета у другого: «хороший ли это коньяк», мол, не разбираюсь.

Оказалось, что держим в руках одну и ту же бутылку.

Решили распить вместе.

Сразу две.

Потом секс.

Потом я предложил переехать ко мне.

Потом совместная жизнь на почти два года. Полтора, если точнее.

Потом я ушел.

Почему? Загнобила. Помните как в песне у Кикабидзе, просто встретились два одиночества, развели у дороги костер, а костру разгораться не хочется, вот и весь – разговор.

И Рая и я были лидерами. Оба привыкли подчинять других – ради себя. А тут – нашла коса на камень. Первый всплеск влюбленности прошел (новизна всегда завораживает). Начались будни. В «буднях» началось противостояние характеров. Никто не хотел сдаваться. За полтора года я уходил несколько раз. Потом возвращался. Потом – понял что «последний шанс» давать уже не намерен. Вот так и расстались.

* * *

Я с замиранием сердца тебя вспоминаю,
С волнением фотоальбом, где мы вместе, смотрю.
Все также по-прежнему точно я знаю,
Что больше себя, тебя я люблю!

Но перед этим наслаждались друг другом. Особенно анальным сексом, который Рая любила до ужаса (кончала она в основном от анального секса).

Еще она любила сосать член. Точнее, не сосать – а облизывать. На что я как-то заметил, что член нужно брать в рот и сосать, по типу как дятел стучит по дереву. Да еще привел пару примеров ее предшественниц, у которых искусство сосания было на высшем уровне.

Рая обиделась. Сосать перестала вовсе. Так разве что, когда была пьяна.

Но пила редко. Вернее, выпить могла (коньяк или вино в основном). Но этак эпизодически, и практически не пьянела. Ну, или не показывала вида, что пьяна. Когда была пьяна – всегда сосала. Это был для меня как бы катализатор ее опьянения.

Незаметно ушла мечта в облака,
И с дождем опустилась на землю.
А любовь оказалась так далека,
Что ее я уже не приемлю.

И к годам растерял все что было.
А собрать не смог то что мог.
Помню только, меня ты любила,
Как любить способен лишь бог.

Называл тебя я принцессой,
И лелеял свою я любовь.
Ну а сам, глупец, был повеса.
От того леденит сейчас кровь.

Впрочем, все нелепо, случайно,
В даль ушли наши светлые дни.
Одиноко в душе и напрасно
Что любовь мы не сберегли.

До меня Рая практиковала секс втроем. И даже участие в оргиях. На этом мы сошлись. Первое время всегда приглашали к нам «девочку» (проститутку). Ебали ее вдвоем. Особенно Рая возбуждалась, наблюдая, как «девочка» сосет у меня. Или как я трахаю приглашенную девочку в попу, а та – то лижет, то сосет у Раи клитор. Хотя, особенно ей нравилось в это время - когда я сзади ебу очередную приглашенную девочку по вызову в попу - держать ее за волосы, хлопать

ладошкой по ее попе, и в предоргазменном состоянии кричать что-то типа такого, давай, сука, лучше ему подмахивай, давай блядь, кончай, тебе нравится блядь, тебе нравится как он тебя ебет, а теперь соси у него – управляя ее головой с помощью захваченных волос Рая насаживала рот девушки на мой вздыбленный член (член мог у меня стоять часами, если его правильно стимулировать руками, ртом или внешним видом партнерши), а сама легко била ее, возбуждаясь при этом и кончая. После девочки я ебал Раю. Она снова кончала. Потом еще и еще раз. Ей нравилось кончать. Когда она кончала – Рая кричала по-особенному составленные матерные слова. Сучка этакая.

Рая меня научила ценить дорогую (бутиковую) одежду и ценить себя. Ну, то есть, отдавать себе отчет в том - кто ты есть. Ну, то есть, кто есть я. Кто? Король, еб твою мать. Принц этакий.

* * *

Я живу в иллюзорном мире,
А в другом и жить не хочу,
И верхушки берез голубые
Ближе мне, чем заря поутру.

Точно так же и Вами люблюсь,
Представляя совсем Вас иной,
А потом смеюсь и чаруюсь
Неземной такой красотой.

Но скажите – насколько возможно
Продолжать мне и дальше так жить?
Ведь все время одно непреложно —
Вас искать мне и не находить...

Глава 8. Отдых

Полина дала мне ощущение быть самим собой, и наконец-то совсем не растрчивать себя на какую-либо заботу о женщинах. В моем теперешнем случае это было не нужно. Мне было уже за сорок, и я действительно впервые мог жить так, как считал нужным.

* * *

Не слышно в небе ни души,
Не слышно ни души в округе.
Лишь коршун в небесах кружит,
Как память об ушедшем друге.

Давно опала вся листва,
На смену ей пришли сомненья.
Да, видимо, молва права:
Суть человечества в гоненьи.

Гоним я всюду, всем я враг,
Природа рай тебе, бродяга.
И мне до рая один шаг,
До ада, правда, лишь полшага...

Семейная идиллия заключалась в том, что к моменту появления в моей жизни Полины – у меня напрочь исчезло чувство ревности. Если раньше женщина, которая со мной жила (а со мной всегда проживала какая-нибудь женщина) задерживалась на работе или у подруги (с трудом, надо сказать, отпросившись у меня, ибо я не приветствовал подобных встреч), то мне еле удавалось сдерживать себя какое-то время, после чего всеми силами (угрозами в телефонную трубку) возвращал ее обратно.

С Полиной такого не было.

Во-первых, мне стало просто по кайфу оставаться одному хоть на какое-то время. И поэтому я не только сразу одобрял любые походы моей жены хоть куда-нибудь, но и, иной раз, прилагал усилия, чтобы ее спровадить из дома.

Во-вторых, я, понятно, никогда не звонил супруге, если она задерживалась. Все, о чем я тогда думал – это чтобы ее не было как можно дольше.

* * *

Немыслимо, странно, забавно, нелепо,
Внутри пустота и ничтожность ошибки,
И все как всегда опять без ответа
Теперь уже даже без грустной улыбки.

А раньше, бывало, резвил и смеялся
Шутил, понимая, не верил и верил.
А после в страданиях своих забывался,
И пил... И пел... И жизнь отмерил.

Я действительно наслаждался одиночеством. Мне оно было очень необходимо. Наедине с собой мне вообще всегда намного комфортнее, нежели чем в компании с кем-то. Так уж получилось. Со временем. Правда, со временем.

И я был благодарен судьбе за то, что сейчас это все действительно именно так. Жена вообще мне всегда была нужна для выполнения нескольких целей и задач. Приготовить еду, постирать и погладить одежду, раздвинуть ноги или взять в рот (понятно, ни о каком отдельном удовлетворении женщины речь не шла, поэтому девушки со мной попадались все больше чувственные, успевавшие кончить - пока не кончил я). Ну, может, иногда куда-то супругу выгулять, но это редко. С годами я все больше становился затворником.

Ну а то, чтобы девушка это все делала, и даже более – мечтала делать, она должна была знать истину. Истина заключалась в том, что на меня у женщин была очередь. Это очередь начала образовываться с самого момента моего половозрелого возраста, и чем я становился старше – очередь все более возрастала в количестве женщин, которые мечтали попытать судьбу, соединившись со мной. Постегивало их то, что у меня никто из женщин долго не задерживался, ибо они попросту мне надоедали. Через время всегда хотелось чего-нибудь новенького, свеженького. Я как гурман (или маньяк) - любил наслаждаться новым телом. И новой душой. Ведь если бы мне нужны были только тела женщин, тогда бы я заказывал себе проституток. Бесчувственных и бездушных тварей. Блядей. Но мне-то еще была нужна и душа. Женщин я хотел влюблять в себя. У меня всегда это получалось. А влюбленная женщина способна сделать для вас в тысячекрат больше, чем та, которая просто ради интереса хочет переспать с вами. Поэтому я женщин отбирал, отобранных – влюблял, а когда они мне наскучивали – вышвыривал вон. И находил новых. Этаким злой гений.

* * *

Я пьян, и на кухне сажу полуночной,
Читая стихи сам себе.
Я пьян, и в отпуск уехал бессрочный,
Поставив крест на судьбе.

И как будто давно – расписался в бессилии,
И нет уж меня – один лишь обман.
И только бродят кругом в изобилии
Тени событий, мрак и туман.

Но полно! Устал успокаивать себя же!
Но полно! Зубами вены на запястьях рву!
Но полно! И все же, и все же когда же
Помянешь ты Господи душу мою...

С Полиной вообще всегда был для меня отдых. Сошелся я с ней, когда уже почти разочаровался в том, что бывают женщины без внутренней психопатологии. Ну, то есть, не душевно сумасшедшие. В те годы у меня вообще был выбор – или послать всех на хуй и полностью наконец-то оказаться одиночкой, или же все-таки проверить еще раз собственную теорию, которая гласила что да, 99 процентов женщин дуры и стервы, но есть один процент тех, которые будут служить вам верой и правдой, абсолютно ничего не требуя взамен. При этом будут намного моложе вас (разница должна быть как минимум более чем в десять лет плюс один год), прекрасно выглядеть, ну и далее – будут исполнительны, сексуальны, и еще раз – полностью и во всем станут вам подчиняться. Если вдруг надо вам привести другую женщину - жена должна спросить: каковы будут дальнейшие распоряжения: ей уйти на время или присоединиться к вам? Причем, присоединиться в качестве служанки или секс.партнера. Вот такие мне были нужны девушки. Выхолощенные и *заточенные* на исполнение моих желаний, ибо я - мужчина, а значит - господин.

В лице Полины такую женщину я нашел. Она была меня намного младше (как раз десять плюс один), она имела стройное тело, за которым всегда следила с помощью физических упражнений, она готовила, стирала, убирала квартиру, и вообще делала то, что было нужно мне, и что самое главное – не делала, что мне было не нужно.

Если она в чем-то ошибалась – я на нее орал и ставил в угол.

Больше ошибок - подобных совершенной - она не совершала. Идеальная женщина.

Эта «идеальная» женщина совсем скоро мне наскучила.

Понимаете? Я не понимал. Не понимал – почему. Ведь в ней все вроде как было именно то, что я искал. Подчинение. Полное подчинение. Женщина – рабыня, женщина – наложница, женщина – служанка. А вон оно как вышло. Уже и домой порой идти не хотелось. Уже и мысли появлялись о том, что вот бы она сама куда-нибудь ушла – и не вернулась. Или изменила бы. А я бы ее тут же выгнал бы. Нашел бы причину. А она бы не понимала... Даже если бы не изменила, так, намек один, воспротивилась бы чему, стала бы «в позу» (это когда женщина показывает свое недовольство поведением мужчин – обычное явление у дур) – и вот тут я как тут со своей окаянной палицей, кнутом то есть, у меня ведь дома специально для таких целей был кнут...

* * *

Мечта угасла и забилась в угол,
Реальность зубы скалит и урчит,
Походит жизнь на ирреальность пугал,
И где-то тихо нерв мой спит.

Не спал бы он – я б жил и веселился,
Смеялся, плакал, громко замечал
Что дьявол в меня может быть вселился,
Потом от боли б громко я стонал.

Но это все иллюзии обмана,
Жизнь наша та – какой достойны мы.
И истина по-прежнему желанна,
И также молим: только б не было войны.

Уходят в прошлое былые разговоры.
Уходят ожидания любви.
И на душе уже стоят засовы,
Но все еще мы вместе – я и ты.

Вот такое стихотворение родилось у меня... Думаю оно говорит само за себя.

В общем, я жил, и искал повода расстаться. Понимаете, оказалось не так-то легко выгнать человека. Да, это раньше было легко. Надоела тебе жена, дождался пока она сорвется на чем-то,

начнет материть тебя, а то еще и в рукопашную полезет, и вот тут ты выдаешь ей, мол, все, милочка, подобное я терпеть не намерен, и расстаешься. А тут...

Полина повода к ссоре не давала. Даже если я сам пытался выискать причину, причины не было, ибо я понимал, что найти причину – это все равно, что обидеть ребенка. Глупая она была очень. Наивная и глупая. А мне не оставалось ничего, кроме как жить с ней. Ибо совесть, однако...

* * *

Я искать тебя пытался жизнь,
Находил, терял, и снова расставался.
Предо мной судьба распахивала мир,
Не всегда я в этом признавался.

Все загадочно, нелепо и коварно,
Видел свет – и уходил во тьму.
Но пришла ты странно и неожиданно,
И сказала мне тихонечко: люблю.

Я смутился, слезы счастья и улыбка,
Вперемешку с радостью – и грусть.
Отчего печаль? Так счастье ведь так зыбко,
Оттого и радости боюсь.

Помоги преодолеть сомненья,
Помоги поверить мне в любовь,
Поддержи всего лишь на мгновенье –
И уходи скорее прочь...

И все-таки Полина меня, конечно, умиляла. Знаете, этакая и правда - проникшаяся ко мне девушка. Я ведь намного старше ее. Она заранее признает что умнее, мудрее, опытнее, ну и так далее. В общем, любит. Люблю ли я? Да после определенного жизненного опыта пришлось признать главным, чтобы любили меня. Мое мнение тут уже не важно, ибо вмешивается во все это на самом деле подсознание, когда вы не то говорите, что хотите, а что бессознательно угадываете, что нужно сказать или сделать, и делаете это уже как бы на автомате. Действительно загадка.

Загадкой было и то, что при жизни с Полиной я написал всего одно стихотворение. И ведь не сказать, что не лежала душа. Вообще, стихи пишутся, как известно, когда или очень хорошо, или на самом деле, когда очень плохо. Стихи – это некая сублимация внутренней печали в творчество. Мы пишем – и как бы отыгрываем свое состояние. Становится легче. И даже спокойнее. Хотя и не всегда.

Подумал вот, а для чего мне была нужна Полина? И понял, чтобы просто быть рядом... Это как говорящая мебель. Или гувернантка, которая не уходит домой, а проживает вместе с вами....

И все-таки случались моменты - она меня очень даже возбуждала. Да и вообще, вы знаете, на фоне той дурости, что всецело проповедуют женщины, иной раз поражающие своим тупизмом любое воображение (ну, например, как может женщина что-то говорить, а тем более ворчать - в присутствии мужчины? Она же рабыня, она не имеет слова, ее функция – быть всячески полезной мужу-господину, а если не зовут – значит не попадаться на глаза - дабы не мешать). А что делает большинство из них? Ворчит, иной раз даже скандалит, а бывает и ругается да дерется. Ну и на кой такая нужна? Правильно, не нужна. Потому и бросал я таких, чтобы их подобрали другие дураки. Я свою миссию глупости за жизнь уже выполнил, а то и перевыполнил. Имею право на отдых. То есть – жить с Полей, которая всегда покорна, доступна и до наивности обворожительна. Женщина вампир мне не нужна. Хотелось всегда простую девочку-куклу, то есть дурочку, которая всегда в твоём распоряжении, но играешь ты ей как куклой – когда тебе это нужно. В другое время – она сидит и ждет. И я такую нашел. Полина.

И вот что было как-то по-особенному странно. Полина через время буквально меня подчинила себе – не подчиняя. У нее ведь было самое главное: смирение. А, как известно, ласковое дитятко – две матки сосет. И получалось так, что на все мои какие-то рычания – она покладисто выполняла все, что от нее требовалось. В ответ... А в ответ мне хотелось сделать для нее все - и даже больше. Понимаете? Это было поистине для меня нечто новое. Никогда раньше, ни в своих отношениях, ни в отношениях других – ничего подобного я не замечал. А потому попросту оказался к этому не готов, ибо несмотря на возраст и такую, как я считал, опытность в браках, я оказался совершенно не готов к подобной форме реагирования. А потому... А потому старался делать намного больше, чем мог. И притом продолжал испытывать чувство вины в том, что чего-то, как мне казалось, не делаю. Прямо невроз какой-то начался.

Сомнений пустых пустопорожные споры,
И груды отрепья в несчастной судьбе.
А в прошлом все также, одни разговоры,
С проклятьем несчастья любовь к тебе.

Беспутные ночи и дни лишь в кошмаре,
И вроде напрасна случайная жизнь.
Любили меня? Нет, не признали...
Себя сам прошу – угомонись.

Но к черту все, одно лишь бессилье,
И позади одна пустота.
Туманное в памяти было веселье,
И из нереальности лишь мечта.

Дурак, все одно, а я – надеюсь,
Глупец, непреложны господни пути.
И только вздыхаю и словно не смею,
Просить: ты меня – полюби!

Желание избавиться от чувства вины было у меня столь огромным, что поистине фактически не оставалось никаких шансов. И понятно, что совсем скоро я оказался поглощенным этой девушкой. Вот что значит... Я даже не знаю как это назвать. В Полине внешне не было чего-то такого, что прельщало бы вас. Не было той красоты, которой бываешь сражает наповал. Но и красивых все-таки рано или поздно бросают, ибо вместе с красотой эти женщины приобретают и зачастую совершенно отвратительный и эгоистичный характер. А в Полине этого не было. И я не знал, как реагировать. Вот ведь дела...

* * *

Смешались слезы с каплями дождя,
Так грустно мне с тобою расставаться;
Прошу, чтоб поскорее ты пришла,

Хочу с любимой навсегда остаться.

Ты улыбнешься ласковой улыбкой,
В ответ я потянусь к тебе рукой,
Устал я мерить дни ошибкой,
Ошибкой расставания с тобой.

Как я боюсь ненужных расставаний,
Поэтому молю лишь об одном:
Молю о совпадении желаний,
Молю о том, чтобы нам жить вдвоем.

Вообще, конечно, говоря о Полине, следует сказать и о том, что на определенном этапе жизненного пути Господь Бог нам посылает тех людей, которых мы достойны.

При этом, если вы личность творческая, увлекающаяся стремлением идти вперед, значит ваши девушки будут такие, которые необходимы вам именно сейчас, на этом жизненном этапе. Да, девушки будут меняться (вы должны знать, что за все надо платить, и за свое творчество вы платите и ростом новых ощущений, которые дают, опять же, новые жизни с новыми девушками). Но меняться они будут только тогда, когда наблюдающий за вами свыше Создатель будет уверен, что посылаемое им испытание пройдено, вы прошли назначенный вам путь, и вам нужен новый источник вдохновения.

Поэтому не удивляйтесь, почему вы такой. Все люди разные, у всех своя природа духа, и вполне разумно, что новая жизнь, которая у вас начинается, она вам нужна. Нужна сейчас. Завтра может быть уже другая.

Все грустнее приходят мысли.
Порываюсь куда-то бежать.
Может просто сбежать из отчизны,
Может глупостью это признать.

Было ль раньше также мне грустно,
Или весело, в этом ли суть?
Если била судьба – так била,

А любила... Так любовь не вернуть.

Маюсь, тесной тесемкой окутан,
И размах – еще не размах.
Плачу. Грустно. Себя сам запутал,
А распутывая, терялся в грехах.

Мне простить бы себя да других,
И уйти, да назад возвратиться.
Пролетит ли вечность как миг,
Буду ль завтра к чему-то стремиться.

Впрочем, глупо, наверно, бесславно
Умирать во славу врагу.
Только враг-то кто?.. Непонятно,
Непонятно ни мне, ни ему.

Не понятно к чему это все,
Мир иллюзий, и счастье обмана.
И все кажется будто я сплю,
И ворую из своего кармана.

У себя я счастье украл
И растратил его понапрасну.
И все тешусь, что об этом не знал,
И от лжи постепенно гасну.

И в душе ветер стихая
Напевает песенку мне,
Мол, что жизнь мне нужна другая,
Не такая как эти все

Что прожил, проживаю в романах,
В повестях, рассказах, стихах.

Не такая нужна, а какая?
Та которая может в снах?

Но наивно, по детски наивно,
Я от детства еще не ушел.
И бреду, и пути не видно,
И пишу сам себе приговор.

Полина действительно - и поражала и вдохновляла. Удивительно, но мне совсем не надо было что-то придумывать или как-то совсем уж явно подстраивать свою жизнь под кого-то, кто волей случая живет сейчас вместе со мной. С самого начала наших отношений я обозначил Полине, что все может быть недолгим, и что уж точно – вряд ли навсегда. Она согласилась. Я переспросил. Она ответила, что согласна жить со мной столько, сколько я решу. Если я захочу взять кого-то другого, эта «другая» может, если согласится, жить с нами. Если же я сделаю выбор только на «другой» - она, Полина, уйдет.

То есть изначально Полина была согласна на все, только чтобы, 1) быть со мной, 2) ...быть со мной.

В душе разливается грусть,
Слезинка готовится к бегу,
Себя мне не обмануть,
И в душу к себе не захватить

На гнедом жеребце; никогда
Ни тогда, ни теперь, ни случайно
Невозможно понять Бытия,
И твержу я себе – это тайна.

Но попытки одна за другой,
Не желая признать поражение,
Продолжаю, и с ними покой
Оставляю без сожаленья.

Она была и на самом деле согласна на любые условия. Это меня одновременно и радовало и удручало. Почему удручало? Потому что я должен был брать на себя очень большую ответственность. Ибо во всех возможных конфликтах – виной изначально был я (так как Полина не ругалась и была всегда и во всем со мной согласна). А ведь это уже меняет дело... Так-то вот.

* * *

Все казалось до боли смешно и понятно,
«Уходя – уходи»,--вдруг сказала мне ты.
Я ушел и о прошлом, как ни досадно
Не жалел, сжигая за собой мосты.

Как я жил, с кем я был, сейчас уж не важно,
Все равно не вернуть годы жизни назад.
Но тебя я любил, впрочем, так неприглядно
Мне о прошлом теперь вспоминать.

Все прошло что прошло, не вернуть все обратно,
Да наверное сам не особо стремлюсь;
Удивительно вру сам себе я складно,
Ведь к тебе я опять возвращусь.

И все будет по новой, и все будет как прежде,
Шаг вперед, два назад, поворот и опять;
Но убита любовь, и вера в надежде
Не воспрянет, напрасно ее ожидать.

Почему мы расстались с Полиной - я так и не понял. В тот период у меня случился какой-то необычайный творческий подъем. В том числе и в жизни. Я вдруг оставил ряд занятий, которыми безуспешно занимался раньше. Нашел для себя новое дело, оно мне вдруг принесло небывалый доход, я купил сразу пять квартир (в двух жил – в каждой со своей женщиной, предназначенной для той квартиры, а три сдавал).

Да, тогда я видимо пришел к той форме брака, в которой нахожусь доселе. Я понял, что не надо жить с одной женой. Среди людей всегда развита конкуренция. Если женщина у вас будет одна – рано или поздно она скурвится. А когда у вас их несколько, и каждая знает о наличии

другой, между ними происходит что-то навроде конкуренции. Да такое вы и сами встречали хоть раз в жизни или видели в кино. Когда есть жена и любовница. Обычно, жена не знает о любовнице, а любовница знает. И именно любовница оказывается лучше жены. Играет там, где жена ворчит, любит там, где у жены что-то болит. Кормят обычно и та и другая отменно, ибо их еще их матери научили, что мужчину можно удержать через желудок. Забыв видимо научить, что и через секс тоже. Хотя Полину или научили или она научилась сама. Словно по мановению пальца ее головка склонялась над вашим членом. И я сразу понял, что Полина испытывает какое-то внутреннее блаженство от подчинения. Поэтому я ей говорил что-то типа «а ну-ка иди-ка сюда», и начинал расстегивать брюки. Полина при этом пыталась пойти куда-нибудь в другую сторону, тогда я уже говорил грозно «А ну иди сюда, блядь!» и сопровождал свои слова тем, что брал ее за волосы и силой склонял их над замеревшем в ожидании членом. Наконец она делала первые дразнящие движения языком, член тоже в такт им подрагивал, набухая, после этого я с еще большей силой прижимал рот Полины одевая его на хуй (со словами «Соси быстро, блядь!», «Сучка!», «соска ебанная, сосать»! Ну и схожей направленности комментарии) и Полина тогда уже принималась за работу. Она сосала, а я представлял, скольким же она отсасывала так до меня. Она ведь была далеко не девочка. Сама себе на уме, Полина отсосала в своей жизни ни один огнедышащий хуй и ни одному дала в попу или уверенно раздвигая ноги пускала в себя. Она любила силу и любила подчинение. Если вы к ней обращались с силой – она подчинялась. Если проявляли слабость – она наглела. Сучка этакая.

* * *

Я не умею жить -- вы мне сказали,
А я признал, что это так.
И понимаю я, что жизнь теряю
Желая смерти, а что еще желать.

Ведь в смерти искупление, расплата
За жизни совершенные грехи.
И пусть все в этой жизни клято,
И пусть проходят наши дни.

Расставшись с Полей, я все-таки ее не стал совсем выключать из своей жизни. Пусть будет всегда рядом. Я вообще был за то, чтобы все жены, которые когда-то жили с вами, были всегда рядом. Это все-таки ваш определенный период жизни, прожитый с ними. И в тот период вы были

один, потом становились другим. Женщина вам надоедали (или вы их значительно перерастали внутренне). Они становились вам уже скучны. Вы находили других. И такой вот, длинный предлинный процесс длиною в жизнь.

Полина вообще меня иной раз лишала жизни. Ну как бы это сказать. Я видел, что она значительно проигрывает мне в разуме. Я видел, что она... Но и она ведь была намного младше меня. Да и вообще – ее роль – сосать и быть рядом. А еще.. А еще я замечал, что было в ней такое иной раз здоровое мышление (то, чем никогда, к сожалению, не мог похвалиться я), что я обескуражено смотрел на нее и понимал, что здесь то уж точно она меня «сделала». Бесовка этакая.

* * *

Я тщетно искал оправданья
Выдумывал все и тебя
Любил без большого желанья
И теряя – терял навсегда.

И забыв, что могу отыскать
Истину в конце пути
Я смеялся, мне ли не знать
Как обманчиво все до жути.

И я шел нелепо, но шел я,
Хоть и падал, но поднимался.
И там, за воротами рая
Себе сам я порой улыбался.

Глава 9. Возможности

Снежанна строила мне глазки. Потом словно бы случайно присела на колени. Потом стала ерзать там, словно пытаюсь меня возбудить. Я ее отвел домой. К мужу. А трахнул только на следующий день. Кто ж знал что девушка, которую я взялся провожать, захотела меня еще на улице. Вот же сучка.

* * *

Признайтесь мне, что любите меня,
Мне этого так долго не хватало.
При всех скажите, громко, не тая:
Любимый! Я давно тебя искала!

И пусть наивны нежные слова,
Но для меня их нет сейчас дороже.
Пусть даже скажете о том Вы не любя,
Так вышло – что для меня одно и то же.

Почти одно и то же... Ведь я Вас люблю!
И вновь в каком-то жутком изможденье,
Теряя силы к Вам бегу, бегу...
А вы смеетесь в нервном иступленьи.

Да я и сам смеюсь как никогда,
Смеюсь себе и про себя и все же
Скажите мне, что любите меня —
Нет этих слов для меня сейчас дороже...

Потом она часто ко мне приезжала. На пять минут. Отсосать (если была при параде), и потрахаться – если времени было у нее побольше.

Почему сосала если «при параде»? Да потому, что когда она ебалась по полной – то становилась вся ужасно мокрая и пахла сексом. Муж мог заметить. (Хотя мне кажется, что муж ее – Вася его звали – был в курсе походов жены. И возбуждался и кончал только после того, как она ему рассказывала как ее - ебали другие).

Меня еще удивляло, сколько Снежанна пила. Пила она джин-тоник, знаете, такие алкогольные баночки. Но в таком количестве, что я, помнится, изумленно поразился, когда насчитал уже десятую открываемую ей баночку. Притом что, как говорится, «ни в одном глазу». Но ведь она их выпила! Поэтому в соответствии с этим я и скорректировал собственное поведение. Какая разница, что она держалась на ногах и говорила связно. Какая разница, что внешне даже не покраснелась. Какая разница, что выглядела так же как и в обычном состоянии (хотя я уже сомневался, была ли она когда-нибудь в обычном состоянии, и что вообще для нее понятие нормы).

Таким образом я понял, что она просто пьяна, но старается не показать вида. Отсюда и такое блядство. Отсюда, может быть, даже и такая страсть.

В общем, как бы то ни было, я стал присматриваться к Снежанне, а после попросту повел себя с ней как с сильно пьяной женщиной. Она ведь и была сильно пьяна, просто, как я заметил, не показывала вида. Я выебал ее. Потом еще раз. Потом еще и еще. Ебал, как только встречал, ебал, как только видел ее, ебал всегда, ебал везде, в общем, по переименованному лозунгу Маяковского, ебал до дней последних донца. Ебать, и никаких гвоздей. Вот, как говорится, лозунг мой и солнца.

Но если Маяковский, наверное, мог сравнивать себя с солнцем (уж точно с солнцем русской поэзии), то я подобного не мог, а оттого не должен был совершать любых опрометчивых действий.

Впрочем, Снежанна нисколько не замечала даже мои ошибки (это я их считал ошибками, предпочитая, чтобы все у меня было проработано и выверено). Но вот что до меня, стал я немного чураться этой девушки (было ей тогда чуть больше 20 лет). Но пока не оставлял ее. Рассчитывая, что она мне когда-нибудь пригодится.

* * *

А я тебя возьму и выдумаю,
Нелепо ждать, что ты сама придешь.
Хочу при этом стать невидимым,
Чтобы обнять тебя, и ты поймешь

Как я люблю; признаешься в любви
Сама, я обомлею от удачи.
Но только слов ответных от меня не жди --
Зарок дал не любить, лихачу

По жизни, на секунды замирая --
И вновь пускаясь в кругосветный бег.
Ты думаешь, я не понимаю --
Что глупо все, и свой побег

От всех -- не назову любовью,
Хотя к ней стремлюсь я всей душой.

Но вот расписываюсь часто кровью --
Над такой своей судьбой.

Кстати, как я с ней познакомился. Кушал в ресторане. Близилось закрытие, поэтому новых посетителей уже не приглашали, а старые доедали-допивали под косыми взглядами администрации, ждущей когда же они «дожрут и уберутся».

Хотелось спать. Да и вообще, дело было позднее.

В итоге, в ресторане остался я и какая-то семейная пара. Это была Снежанна (как ее зовут я тогда не знал) со своим любовником. Как я заметил, у Снежанны был муж. Тогда я ничего этого не знал, краем глаза рассматривая полуголую девицу, которая от выпитого раздевалась все больше. Видимо спутник сделал ей замечание. Видимо она, вспыхнув, что-то ему грубо ответила. Он ее ударил. Потом еще раз. Потом решил, чтобы она ему отсосала прямо там, поэтому стал запихивать девушку под столик. По всему было заметно, что сосать она не хотела. Оглянувшись, я увидел, что весь персонал, включая охранника, смотрят, чем закончится сцена. Мужчина с девушкой был в форме сотрудника милиции (с какими-то большими звездами, то ли полковник, то ли генерал), поэтому никто не вмешивался.

Я показал глазами охраннику, мол, почему не вмешиваетесь? Он видимо и сам хотел вмешаться, но пока не решался. А тут, получается, на его бездействие обратил внимание народ (народ это я). Охранник подошел к паре и сделал замечание мужчине. Тот недолго думая охранника ударил. Завязалась потасовка. Девушка тем временем выскочила на улицу. Я, просчитав что ситуация пойдет именно по такому сценарию, уже был на улице.

Когда она выскочила, я открыл ей дверь авто, предлагая отвезти отсюда подальше. Она села в машину, мы чуть-чуть отъехали, девушка вдруг склонилась ко мне и стала расстегивать ширинку моих брюк. Я притормозил у обочины, предпочитая ей не мешать. Она стала сосать мой член. Видимо в благодарность за спасение. Я кончил. Девушка улыбнулась и назвала свое имя. Так мы познакомились.

Потом она просила отвезти ее домой (назвала адрес), но уже по пути к дому сказала что сегодня домой не поедет и спросила можно ли ко мне. Ко мне было можно. Снежанна осталась у меня на несколько дней. Потом какое-то время она разрывалась между мужем и мной, пока окончательно не перебралась ко мне. Мы стали жить вместе. Проститутка Снежанна и я.

Вскоре я выяснил, что никакой проституткой (как я подумал о ее месте работы) она не была. Оказалась студенткой. Которая не ходила на занятия, отрабатывая прогулы сексом с деканом,

который закрывал ей зачеты и экзамены. Попутно периодически она еще сосала у проректора. Хотя это была, на мой взгляд, излишняя подстраховка. Декан справлялся и так.

* * *

Я как будто смотрю в пустоту.
И как будто что-то там вижу.
Не молюсь, не пою,-- не пойму
Ничего. Но тебя – услышу.

Ты лишь только во тьме отзовись,
Прокричи хотя бы проклятье,
А потом уходи. Не гневись,
Отыщу, и оставлю заклятье.

На века. И уже – не тебе.
Ты пойми – ведь это – возможно.
И в каком-то отчаянье
 Попрошу тебя осторожно

Чтобы ты... да нет, не о том,
Не о том хотел просить я,
И стоим на распутье вдвоем.
Заблудились. Итог. А

А может, возможно?.. Теряюсь.
И в свои же слова – не верю.
Но тебе в любви признаюсь,
И тебя буду ждать, поверь мне

Ведь верю же я сам себе
(пусть и в чем-то еще сомневаюсь).
Недоверчиво приближаюсь к мечте,
Если есть она? Теряюсь

И в словах – не найду покоя.
И во тьме – не отыскать тебя.
И в ответ слышу очередное:
Это не я, не я, не я...

Понятно, что со Снежанной я бы долго не прожил уже по факту. Хотя, надо заметить, эта блядюшка меня никогда не раздражала. И даже ее один недостаток – живя со мной, она продолжала сосать у других – я обернул в ее достоинство: она мне рассказывала как она это делает, я всегда очень сильно возбуждался, и оттого секс со Снежанной у меня всегда был сверхпревосходный.

* * *

За суматошностью желаний
Скрывается судьба.
А есть предел исканий?
Для меня.

Судьба сама меня находит,
А я взываю свысока.
Она смеется, не уходит,
Судьба моя.

Безмерной кажется мне вечность.
Но потихоньку, не спеша,
Я к ней иду, и бесконечность
Навек открыта для меня.

Ревновал ли я? Нет. Почему не ревновал? Потому что к моменту встречи со Снежанной я уже перепробовал столько женщин, что давно разуверился найти хоть что-то достойное. А среди такого безобразия, коими я считал падшую натуру женщин, как говорится, почему и нет – когда с вами одна из представительниц этого блядского женского сословия. Почему бы и нет? Да, конечно же – да!

* * *

Вымучена, изорвана, растеряна
моя «правда». За нею – пустота.
Вроде больше никому не верю я;
День потерян. Вернется ли она?

Боюсь думать. Разочарование
подступает все ближе. Порой
с неизбежностью наказания
приближается... Вой

изнутри прорывается. Тихо, так...
И неспешно заполняет тишину.
Я ошибся... Душа вычернена. Смак
Смак стоит. Тьма. И иду я во тьму...

Снежанну я в итоге отдал брату. Пусть забавляется. Он к тому времени как-то разочаровался в браке, жена его оказалась фригидной, но он ее любил. И все время дробил. Дело молодое. Я подсунул ему Снежанну. Дав ей предварительную жесткую императивную установку всяческим образом брата удовлетворять. А в идеале – выйти за него замуж. Ну, то есть - «раскрутить» брата на брак. Мне ведь хотелось, чтобы брат был счастлив.

-- Скажи когда увидишь, ладно?
-- А что увижу?
-- Пустоту. Я с ней пойду к небытию,
 Но не с тобой. С тобой – накладно.
-- Да полноте тебе--
-- А что же?
-- Не «что же», а все та же пустота,
 И где-то заблудилась мечта,
 Хотя, ни у тебя, ни у меня. Она
 ушла, погибла – навсегда;
-- Но может – не «она» была?
-- Да нет. Она. А впрочем --

-- Не она?
-- Да нет. Она же. Просто --
-- Ты думаешь, возможно --
-- Думаю что да.
-- Но ведь тогда --
-- Да, да, ушла --
-- Да нет. Не навсегда
-- Навечно.
-- Даже так?
-- О да!

Забегая вперед скажу, что с браком у Снежанны ничего не получилось (даже несмотря на то, что я брату внушал что он должен жениться на ней, ибо отдаю ему, как говорится, лучшее что у меня было на тот момент – брат, разумеется, знал о моих былых связях с его теперешней любовницей). Но Снежанна, к сожалению, так и осталась на уровне любовницы. Сучка крашенная. Хотя, по-моему, она была не крашенная, а натуральная блондинка. Я вообще любитель блондинок. Женщины с черными волосами почему-то мне кажутся грязными. Особенно когда еще загорят.

Ну как бы то ни было, мы все имеем то, что имеем. Свыше всегда известно, что нужно нам. Что до нас – так надо жить и не переживать, что жизнь складывается таким вот образом. Значит так надо.

* * *

От любви разрывается сердце,
Разум сник, рыдает душа;
Я не знаю, когда ты согласишься
В то, что ты для меня одна.

Ты одна в этом мире мрачном,
Где давно уже я чужой,
Где лишь шаг до моей гибели,
Где живу я словно больной.

Я больной от любви оскала,
И давно уже сам не свой,

Я хочу, чтобы ты это знала:
От любви потерял я покой.

Без тебя жизнь невысказана, дни
Словно в горьком чаду и дурмане;
Я к тебе прибегу, позови!
И не думай ты об обмане.

С моей стороны его нет,
Только светлое, теплое чувство;
И все жду долгожданный ответ,
И верю, что любовь – искусство.

Ведь не всем дано так любить,
Так, что б дух замирал на ухабах
Этой жизни, и мне не забыть
О перепутьях, расплатах

Что всегда омрачают любовь,
Убивая в зародыше счастье,
Я до капли готов отдать кровь,
Я готов пройти все ненастья.

Я готов доказать, искупить,
Взять любую вину на себя.
Просто мне без тебя не жить,
Просто ты мне очень нужна.

У Снежанны не было переднего зуба. Но она так сосала!

Понятно, что я не думаю что из-за зуба (сосали у меня и совсем беззубые, и даже с железными зубами, те же цыганки, например). Нет. Снежанна сосала так, словно бы в последний раз. Так, если бы вам сказали – вот член, пососите напоследок, порадитесь, ведь мы вас все равно расстреляем. Она и сосала. Но так – что хотелось на ней жениться.

Не успел. Она уехала на ПМЖ в Германию. Еврейка. Звала меня – не поехал. Несмотря на еврейские корни (бабка у меня жидовка) – остался в РФ. Пока не жалею. Хотя пожалел к этому времени тысячу раз. Но смог заглушить свою боль. В надежде – быть может здесь нужен.

* * *

Плачу за боль, за истину, за рифму
Приму на веру все и парадигму
Неверия в вере постигаю,
Тогда почти и ничего не знаю
Когда томим и ужасом и болью
Рвусь на все стороны и ролью
Вмиг придуманной пытаюсь
Переиначить мир; каюсь --
Нет ничего прекрасней феи,
Мечтательности снов, Орфея
На гусях поддерживающего пир;
Но где (да и когда?) исчез кумир
Что некогда еще гулял во славу
Иль в моих мыслях он бродил, не знаю,
Но путь «итоговый» – в итоге перекрыт.
В дороге к будущему -- шлагбаум из желаний,
И тайной пеленой рожденья скрыт
Весь результат развития мечтаний....

P. S. И что уже наверняка, сомнений
Почти что нет. И ясно все и так.
Лишь может быть тупик из знаний
И полный, извините, кавардак.

Ну, а пора – недоразумений
Прошла сама; и в вере постижений
Бытия -- мое сознание спит.
А из глубин выходит подсознание,
Но и оно в итоге лишь молчит.

И нет числа, не счесть и дураков
Пытающихся постигнуть суть ходов,
И это все итог небытия,
Да и вполне возможно -- ошибаюсь я,
А смерть не так уж и страшна,
Но уже тогда – когда?
Наступит вера полного безверия;
Тогда все, впрочем, и закончится. И без вранья
Пойдем мы сами все... Из тупика
Не будет выхода и тогда
Но -- когда?.. когда?.. когда?..

Глава 10. Утопия

Виолетту я трахнул прямо на кухне. Взял за волосы, развернул спиной, стянул с нее брюки, вставил свой член, перевалил через окно (так, чтобы ее груди колыхались на улице) и выебал. Жестко.

Она сама меня довела. Мы сидели, пили. Она все время пыталась сказать какую-то гадость. По мере опьянения гадости усилились. Я взревел, и дабы прекратить – жестко ее изнасиловал в попу. Виолетта кончила, и... попросила еще. Оказалось, она любительница жесткого секса. (К слову сказать – все мои женщины любительницы именно жесткого секса. Когда без сантиментов, берешь за волосы, насаживаешь на член, после разворачиваешь, смачиваешь слюной – попу или пизду – и ебешь, ебешь, ебешь. До изнеможения. Женщин, разумеется. В сексе я был неутомим, потому что он мне нравился.)

* * *

За потаенностью желаний,
За чередой ненастных дней;
Отбрасывая мотив исканий,
Я все равно грущу о ней.

И пусть для сердца не услада;
Воспоминаний тяжкий груз;

И за неверием – расплата
Придет пусть; я – не боюсь.

И оживет бывшая рана...
Ошибки, боли, крутизна
влетевшей мысли поражала.
Но мы расстались... Навсегда.

У Виолетты был один явный порок и один сопутствующий недостаток. Явный – это ее алкоголизм (пила она страшно, много и часто). Сопутствующий: когда пила - всегда ебалась. Все равно с кем. Все равно сколько было мужчин или женщин (она была бисексуалка). По ее словам, к тридцати годам (примерно столько ей было, когда я ее встретил) у нее было около сотни половых партнеров. Пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин. Не знаю, правда, учитывая ли она участие нескольких мужчин в оргиях за одного партнера или плюсовала.

Виолетта – этакая отменная блядь. Стервозная, правда. Но так считали только те, кто не умел обращаться с женщинами. Если женщина играет в стерву – значит она ждет от вас, что вы ее накажет за это. Как я Виолетту. За волосы, развернуть к себе, и выебать в попу. Жестко и основательно. Жесткость при этом - залог дальнейшего подчинения. Уж не знаю, кто с этими шлюшками встречался до меня (я имею в виду Виолетту, Полину, и Вику, они были схожи в своей любви к побоям и жесткому сексу) – но они были такие. И я даже не знаю кто из них больше.

* * *

Миг уходящей эпохи,--
 нам ли надо ловить?
И желать
 чтоб вернулся?
 Зачем? –
 Все уж в прошлом.
Лишь,
 (быть может),
 печально на сердце;
 И нам не забыть
...впрочем все...

Все ушло...

Осталось в прошлом...

Виолетта может быть, конечно, и сама была не рада такой собственной страсти к садомазохизму. Но тут уж, как говорится, ничего не поделаешь. Имеем то, что имеем.

* * *

Эпохальным решением

витают

придорожная пыль.

«...Иных уж нет.

А те – далече...»

Как прав

когда-то

был поэт...

И лишь зажечь

осталось

свечи...

Но вообще-то, это была несчастная женщина. Меня в ней привлекала ее опытность в общении с мужчинами. Несмотря на внутреннюю стервозность (природную, я бы сказал), то, что сколько через нее прошло мужиков, конечно накладывало на нее отпечаток. Поэтому с ней вам было... комфортно. Она вас понимала. А понимание ведь ценится во все времена. Великие проститутки мира становились великими только благодаря своему одному качеству – пониманию. Пониманию мужчин. Что ведь нужно мужчинам – поддакивать им и раздвигать ноги. Остальное мужичина знает сам. Женщины по глупости пытаются учить мужчин жизни, в итоге имеют ругани, скандалы и разводы. Поэтому бессознательно мужчина всегда стремится к той, которая молчит. Не ругает. Принимает его таким, как он есть. В этом великая тайна тех женщин, которые могут удержать подле себя мужчину. К сожалению, в основном это женщины бляды. Женщины, пропустившие через себя сотни мужиков. Женщины, к коим пришло понимание не посредством наличия в них разума, а просто опыт. Опыт общения с мужчинами. Мужчина – вождь. Женщина – изделие. Которое нужно мять и ебать. Те женщины, которые это понимают – завоевывают сердца мужчин. Те, кто пытается показать свое «Я» - в итоге остаются одни. Да и на что может претендовать женщина, если ее уже до вас имели как сучку. Если она сосала чей-то хуй. Если она...

Блядь она. И должна это признать. Если нет – предайте ее анафеме. И пошлите ее на хуй. И найдите девственницу. И развратите ее. Как когда-то видимо развратили Виолетту. С которой в постели (и вне постели) я мог делать все что хотел. А она радовалась и счастливо кончала. После чего засыпала. Голенькая и счастливая. И всегда у меня на плече. Или груди. У члена я класть ее боялся. Будет сосать всю ночь и мешать спать. Однако.

Разом смолкли шаги, и остались в прошлом желания...

Черда подконвойных ночей навевала тоску.

И вопрос - не вопрос о возможности наказания;

И давно не просился ответ: чего я хочу?

Постулат недоказанных истин набивших оскомину

В пелене бесконечных этапов моя ли судьба?

Из себя изгонял я предательскую истомину,

И хотелось все бросить, да сослаться что жизнь такова!

На запреты извне – ложились запреты внутри себя;

Неразбавленным словом пытался спасти пустоту.

А свобода совсем вроде как рядом была.

Только видимо дверь открывал я все время не ту...

Иногда, даже я - уставал пить с Виолеттой. В жизни ее когда-то случился серьезный надлом, и с тех пор она никак толком не могла оправиться. Была замужем за каким-то почти олигархом. Пока была молодая. Когда ее возраст подошел к двадцати пяти – муж ее выбросил на улицу. Без денег. Да еще забрал паспорт. С трудом она добралась из Москвы, где жила с уже бывшим мужем, до Петербурга. Что ей это стоило, она не любила рассказывать. Чуть не стала проституткой. Неожиданно встретила новую любовь. И тоже, как ни странно, богатого мужчину старше ее. Мужчина помог с паспортом и пропиской. Жизнь стала налаживаться. Потом выбросил на улицу уже ее он. Когда возраст Виолетты стал приближаться к тридцати. Примерно тогда же ее подобрал я. В благодарность Виолетта все время сосала. Сосала даже тогда, когда я этого не хотел или считал неуместным. Мне приходилось прятать от нее свой член. Тогда она просто смотрела на меня и облизывала языком свои губы. Я возбуждался и давал ей снова – немножечко – пососать. Так вот и жили.

Дела нелепые, случайные ошибки,
Исчезли в прошлом, когда встретил я тебя.
И не могу с тех пор сдерживать улыбки,
И все шепчу: любимая, ты у меня одна.

А ветер листья разметает и закружит
Из них цветной, веселый хоровод.
И осень счастьем пусть для нас послужит,
И пацанам, которых кто-то где-то ждет.

И я летел домой, о прошлом забывая,
Да и о будущем не думал я тогда.
И все молил одно, и об одном желая,
Любил, любимая, как прежде я тебя.

А если нету вдруг у вас друзья свободы,
И воля в прошлом вдруг осталась навсегда,
Влюбитесь, пусть полюбит вас хоть кто-то,
И расцветете вы как никогда.

Прошел и тюрьмы, и этапы, пересылки,
Бараки, холод, зной, и лагеря,
Но не хочу я совершать теперь ошибки,
Все потому, что встретил я тебя.

У Виолетты была странная привычка – спать с моими друзьями. Ну, или вернее – знакомыми. Но именно спать. Не сосать у них, не ебаться. Просто спать. Голенькой. Прижимаясь, может быть, к их хую. Но не брать в рот. И чтобы они были обнаженными. Без трусов. Но не ебали ее. А просто спали. То есть – засыпали и просыпались вместе. Это то, что называется «спали». Не ебали – еще раз – а просто спали. Она и со мной поначалу проделывала такую шутку. Я помню. Но я быстренько ее выебал и после этого, связав, ебал всю ночь. Мои друзья не такие. Хочется мне верить.

Эпилог

Все эти истории про девушек, конечно же, достаточно интересны, и я благодарен вам за то, что предоставили мне возможность их вспомнить.

Ну и самое главное, это, конечно же, время, которое уходит бесповоротно, отправляя все происходящее с вами в историю. И оттого становится еще приятней вспомнить что-то, что происходило с тобой когда-то. Ведь моя даже недолгая жизнь с каждой – это определенный этап может быть даже становления меня как личности. Да и иного не может быть, ибо вся жизнь, какая бы она ни была, это все-таки частичка всеобщего эволюционного процесса. И мы, люди, каждый в отдельности, играем в таком процессе не последнюю роль, ибо это именно вы, каждый из нас в отдельности, делаем всеобщую историю, как страны, так и мира. Спасибо вам! И – только удачи!

Сергей Зелинский

Зима 2015 года.

© С.А.Зелинский. О девах.